

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ISBN ISSN DOI ORCID SCOPUS CODEN

ISSN 2412-8953

9

772412

895307

Международный научно-
практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№2 (22), 2017

г. Нижний Новгород
www.scipress.ru/philology

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – №2(22). – 93 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

При перепечатке материалов сборника статей ссылка на сборник обязательна.

УДК 8
ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Индивидуальный предприниматель
Плесканюк Т.Н., 2017

Редакционная коллегия:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Языкознание	6
Алжеева М.М., Эрдниева Е.А. Анализ синонимов китайского языка 幸亏 xìngkuī и 好在hǎozài.....	6
Гаджикеримова Э.Г. Частотность односоставных и двусоставных лингвокультурем в тексте романа А. Стендаля «Le rouge et le noir»	11
Голубева Е.В. Семантическая структура слова. Используемая терминология	15
Гурова Ю.И. Древнеанглийские поговорки как способ передачи глагольного действия	19
Ковалева И.В. Использование вербальных маркеров вежливости в побудительных высказываниях	23
Морозова М.А., Буслова Л.И. Цветовая лексика Евангелия от Матфея в психолингвистическом аспекте	28
Полонникова О.Л. Способы выражения эмпатии англоязычного научного дискурса	34
Юдина Т.А. Лексикографическое представление концепта «любовь» в русской языковой картине мира	38
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.....	43
Землякова Е.А. Пейзажные единицы в сравнительно-сопоставительной лингвокраеведческой модели	43
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	47
Vorontsova I.N.Genre der Ballade in der deutschen Literatur (an dem Beispiel „Hauspostille“ von B.Brecht).....	47
ЖУРНАЛИСТИКА	54
Магомедов Г.А. Дагестанская социальная реклама как форма противодействия терроризму	54
РУССКИЙ ЯЗЫК	58
Балахонова А.А., Христова Т.Ю. Изучение изобразительно-выразительных средств на уроках по русскому языку в современной школе	58

Маринченко И.А. Функционирование прилагательных, описывающих наличие / отсутствие жидкости на поверхности объекта и пропитанность влагой, в парфюмерном дискурсе	61
Сушинская И.М. Формирование языковой культуры личности у студентов технических вузов	68
Твердохлеб О.Г. Грамматика согласованного определения в форме одиночного причастия, характеризующего названия реалий животного мира, в поэтическом тексте Иосифа Бродского.....	72
<i>Славянские языки</i>	79
Дехтярьова О.В. Відображення галицько-буковинських діалектних фонетичних рис у компонентному складі фразеологічних одиниць (на матеріалі художніх творів західноукраїнських письменників кінця ХІХ – початку ХХ ст.)	79
<i>Фольклористика.....</i>	85
Гуменюк О.М. Кримськотатарські давні епічні оповіді (дестани) як предтеча емігрантського пісенного фольклору.....	85

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.581.11

Дата публикации 28.02.2017

Алжеева М.М., Эрдниева Е.А. Анализ синонимов китайского языка 幸亏 xìngkuī и 好在 hǎozài

Алжеева Марина Михайловна
Эрдниева Евгения Анатольевна Калмыцкий государственный
университет, Республика Калмыкия, г.Элиста

Аннотация: Объектом исследования являются языковые единицы 幸亏 xìngkuī и 好在 hǎozài, которые имеют значение «к счастью», «хорошо, что», «благо». Анализ синонимов китайского языка следует производить с точки зрения синтаксиса, семантики и практического применения, что позволит лучше различать оттенки, которыми обладают 幸亏 xìngkuī и 好在 hǎozài.

Ключевые слова: 幸亏 xìngkuī, 好在 hǎozài, синтаксис, семантика, прагматика

Analisis of the Chinese synonyms 幸亏 xìngkuī and 好在 hǎozài

Alzheeva Marina Mikhailovna
Erdnieva Evgeniya Anatolyevna
Kalmyk State University, Republic of Kalmykia, Elista

Abstract: The object of research is language units 幸亏 xìngkuī and 好在 hǎozài that have a value of "fortunately", "good", "good". Analysis of synonyms in the Chinese language should be done from the point of view of syntax, semantics and practical application that will allow you to better distinguish between shades that have 幸亏 xìngkuī and 好在 hǎozài.

Keywords: 幸亏 xìngkuī, 好在 hǎozài, syntax, semantics, pragmatics

В научном сообществе нет согласия насчет синтаксических функций 幸亏 xìngkuī: одни исследователи считают, несмотря на то, что 幸亏 xìngkuī может занимать разную позицию в предложении, его смысл от этого не меняется, другие полагают, что смысл предложения претерпевает изменения. Ян Имин считает, что рассматривать значение 幸亏 xìngkuī с точки зрения синтаксиса недостаточно, необходимо обратить внимание на семантику и прагматику [1, с.47].

Ян Имин полагает, что 幸亏 *xìngkuī* означает, что из-за благоприятных условий удалось избежать неблагоприятных последствий [2, с.64]. Обычно 幸亏 *xìngkuī* стоит перед подлежащим, и его семантика указывает либо на любой член предложения, либо на целое событие, которое дано в предложении. Также 幸亏 *xìngkuī* может стоять после подлежащего, в этом случае его семантика может указывать только на член предложения или событие, стоящие после 幸亏 *xìngkuī*, и не может указывать на стоящее перед ним подлежащее. Кроме этого, когда 幸亏 *xìngkuī* используется перед подлежащим, оно также обладает функцией связки статьи.

Гао Шугуй выдвинул теорию, что 幸亏 *xìngkuī* имеет семантические рамки, а также считал, что слова из разряда 幸亏 *xìngkuī* – это грамматические формы его семантических рамок, грамматический показатель семантических функций. Гао Шугуй полагал, что 好在 *hǎozài* не относится к разряду слов 幸亏 *xìngkuī* [3, с.55]. Это обстоятельство позволяет с новой точки зрения взглянуть на различия этих двух слов.

1) Словарное толкование 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài*

幸亏 *xìngkuī*: наречие, значение: благодаря случайно появившимся благоприятным условиям удалось избежать какого-либо неблагоприятного события.

好在 *hǎozài*: наречие, значение: наличие каких-либо благоприятных условий или обстоятельств [6, с.447].

幸亏 *xìngkuī*: наречие, обозначает, что благодаря каким-либо условиям удалось избежать неблагоприятного результата. Указывает на то, что только из-за случайно возникших каких-либо условий удалось избежать неблагоприятных последствий.

1. 幸亏带了雨衣，要不就要挨淋了。К счастью, захватил дождевик, иначе промок бы.

好在 *hǎozài*: наречие, обозначает, что при трудных или неблагоприятных условиях существует благоприятный фактор, причем благоприятные условия уже существуют.

2. 天黑路滑，好在他对这里的路很熟悉。Ночью дорога скользкая, хорошо, что он знает здешние дороги [4, с.484].

幸亏 *xìngkuī*: наречие, обычно используется перед подлежащим.

好在 *hǎozài*: наречие, больше используется перед подлежащим.

Различие: 幸亏 *xìngkuī* указывает, что из-за случайно возникших каких-либо благоприятных условий удалось избежать неблагоприятных последствий, а 好在 *hǎozài* указывает, что какие-либо благоприятные условия изначально уже

существуют. Например:

3. 我每天都要去医院照顾他，好在离得不远。Я каждый день хожу в больницу навестить его, к счастью, она недалеко.

4. 当时情况十分危急，幸亏遇到警察才转危为安。Тогда было очень опасно, к счастью, встретили полицейского, и стало безопасно [5, с.263].

2) Синтаксический анализ 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài*

Всегда считалось, что место, которое 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài* занимают в предложении одинаково, они часто располагаются перед подлежащим или в начале предложения. 幸亏 *xìngkuī* часто сочетается с 才 *cái*, 不然 *bùrán*, 否则 *fǒuzé* во второй части предложения, однако 好在 *hǎozài* тоже принимает 才 *cái*, 不然 *bùrán*, 否则 *fǒuzé*, но частота их сочетания с 好在 *hǎozài* ниже сочетания этих языковых единиц с 幸亏 *xìngkuī*.

Если в предложении с 幸亏 *xìngkuī* присутствует 才 *cái*, то обычно могут встретиться и такие слова, как 幸免 *xìngmiǎn*, 避免 *bìmiǎn*, 幸存 *xìngcún*, а в предложениях с 好在 *hǎozài* они встречаются редко. Например, предложения с 幸亏 *xìngkuī*:

5. 一次在辽宁考查朝阳北塔时，罗工从约四层楼高的塔上摔了下来，幸亏落到一间斜坡草房上才幸免于难。Однажды во время проверки северной башни в г. Чаоян провинции Ляонин работник Ло упал с почти четырехэтажной башни, но, к счастью, приземлился на откос тростниковой хижины и избежал смерти.

6. 罗斯托克队幸亏门将表现不错，才避免了本队过早失球。К счастью, вратарь команды Росток был неплох, что помогло команде избежать преждевременной потери мяча.

Предложения с 好在 *hǎozài*:

7. 好在有母亲在旁边给父女俩当翻译，父女俩才听明白对方的意思，笑成了一团。Хорошо, что мать переводила для стоящих рядом отца и дочери, только тогда они понимали, что им говорят, и они засмеялись.

8. 一打工就两年过去了，在家的亲人没见人回家，也吓得一大跳，好在同伴有回去后告诉实况，家人才放心。Прошло два года, как уехал на заработки, близкие меня давно не видели и сильно беспокоились, хорошо, что мой коллега ездил домой и рассказал обо мне, тогда родные успокоились.

Синтаксические различия вышеуказанных сочетаний свидетельствуют о различиях в семантике слов 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài*. Иначе говоря, различная

семантика двух слов порождает различие в употреблении сочетаний.

3) Семантический анализ 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài*

Во-первых, из истории возникновения слова 幸亏 *xìngkuī* можно заметить, что сильный акцент в 幸亏 *xìngkuī* падает на 幸 *xìng* «счастье», а 亏 *kuī* «недоставать» постепенно теряет свое значение. В 好在 *hǎozài* всю смысловую нагрузку на себе несет 好 *hǎo* «хороший», и хотя 好在 *hǎozài* сочетает в себе значение «к радости», но все же интонация не такая сильная как у 幸亏 *xìngkuī*. Во-вторых, и 幸亏 *xìngkuī*, и 好在 *hǎozài* имеют свои отклонения в семантике. Словарный перевод гласит, что 幸亏 *xìngkuī* указывает на благоприятные условия, благодаря которым, удалось успешно избежать неблагоприятных последствий, 好在 *hǎozài* выражает существование благоприятных условий или ситуации.

9. 幸亏司机赶紧停了车，否则非出事故不可。К счастью, водитель успел остановить машину, в противном случае аварии избежать бы не удалось.

10. 刚来的时候特别想家，天天给妈妈打电话，好在电话费不是很贵。

В первое время после приезда особенно скучала по дому, каждый день звонила маме, хорошо, что оплата за телефон невысокая.

11. 当时情况很危急，幸亏遇到警察才转危为安。Тогда нависла опасность, к счастью, встретив полицейского, сразу стало безопасно.

12. 他每天都要去照顾母亲，好在离得不远。Он должен каждый день ходить заботиться о матери, хорошо, что ходить недалеко.

Несмотря на то, что между 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài* существуют семантические различия, в действительности, их можно взаимно заменять в предложении, тогда в чем же будет заключаться различие после перестановки? Как выбрать более подходящее слово? Следует обратить внимание на интонацию и другие факторы практического использования. Например:

13. 天黑路滑，好在他对这里的路很熟悉。Темно и скользко, хорошо, что он знает здешнюю дорогу.

14. 天黑路滑，幸亏他对这里的路很熟悉。Темно и скользко, к счастью, он знает здешнюю дорогу.

Так как синтаксическое положение двух слов схожее, можно построить предложения 13 и 14. Семантические различия двух слов показывают, что в предложении 13 данные условия изначально существуют, а в предложении 14, к счастью, существуют такие условия, а также недостает фразы «Он знает здешнюю дорогу, иначе мы могли бы заблудиться», поэтому избежали неблагоприятных последствий. К тому же интонация предложения 13 слабее интонации предложения 14.

4) Прагматический анализ

Только с точки зрения синтаксических функций невозможно отличить 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài*, семантический же анализ слишком абстрактен, поэтому необходимо обратиться к прагматике, чтобы продвинуться в анализе различий между этими двумя словами.

15. 当时飞机正飞行在3千米高空，幸亏安全带将他的小腿死死系住才救了他一命。 В тот момент самолет находился на высоте 3000 метров, к счастью, ремень безопасности крепко связал его ноги, что спасло его жизнь.

16. 有些问题大家可能没有全讲出来，或者没有时间完全讲清楚，好在以后还有机会讲。 Некоторые вопросы, возможно, не были полностью рассмотрены, или не было времени их разъяснить, хорошо, что потом еще будет возможность их обсудить.

Говорящий, выбирая какое слово употребить, руководствуется пресуппозицией, которая имеет тесную связь с контекстом. Когда интонация взволнованности более сильная, то говорящий больше использует 幸亏 *xìngkuī*. Например, пресуппозиция предложения 15 – если бы не ремень безопасности, то он мог бы умереть, но, к счастью, «ремень безопасности крепко связал его ноги», и он не погиб.

А если интонация обычная, имеет оттенок выражения благодарности и является всего лишь утешением, то используется 好在 *hǎozài*. Например, пресуппозиция предложения 16 – «хотя сейчас нет времени разъяснять, однако, позже еще будет возможность», является утешением, и даже если не разъяснили, никаких серьезных последствий не будет. Интонация обычная, поэтому применяют 好在 *hǎozài*, а не 幸亏 *xìngkuī*.

Анализ синонимов китайского языка содержит еще много вопросов, которые необходимо изучить. Данная статья на примере слов 幸亏 *xìngkuī* и 好在 *hǎozài* показала с какой точки зрения нужно изучать эти две языковые единицы. Подобный анализ поможет усовершенствовать систему изучения синонимов, что, в свою очередь, повлияет на методику обучения языку, даст толчок взаимному развитию лексики и практического применения китайского языка.

Библиографический список

1. Ян Имин. Прагматические виды наречий. //Вестник «Китайский язык и компьютер». – 2003. – №1. – С. 46-50.
2. Ян Имин, Сю Ичжун. Семантический и прагматический анализ наречия 幸亏. //Изучение языка. – 2004. – №1. – С. 62-66.
3. Гао Шугуй. Скрытые изменяющиеся функции и семантические рамки 幸亏. //Вестник Тяньцзиньского университета. – 2006. – №6. – С. 53-57.

4. Ли Синцзянь. Нормативный словарь современного китайского языка. – Пекин, 2014. – 1936 с.
5. Лю Шусян. 800 слов современного китайского языка. – Пекин, 1999. – 760 с.
6. Словарь современного китайского языка. – Пекин, 2014. – 1790 с.

УДК 81'42

Дата публикации 28.02.2017

Гаджикеримова Э.Г. Частотность односоставных и двусоставных лингвокультурем в тексте романа А. Стендаля «Le rouge et le noir»

Гаджикеримова Эльмира Гаджикеримовна
Белгородский государственный университет, РФ, г. Белгород

Аннотация: В статье исследуется структура романа А. Стендаля «Le rouge et le noir». Выявляются особенности лингвокультурем, определяется частотность односоставных и двусоставных номинантов.

Ключевые слова: лингвокультурология, художественный текст, лингвокультурема, односоставный номинант и двусоставный номинант

Frequency of one-component and two-components linguocultureme in the novel of A. Stendhal "The red and the black"

Gadzhikerimova Elmira Gadzhikerimovna
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Abstract: The article deals with the structure of novel «The Red and the Black» by A. Stendhal. The features of linguocultural units in the text are identified. The frequency of one-component and two-components linguoculturemes are determined.

Keywords: cultural linguistics, iliterary text, linguocultureme, one -component and two-components linguocultureme

Лингвокультурология на сегодня – это одно из значимых направлений языкознания. Н.Ф.Алефиренко понимает под лингвокультурологией – научную дисциплину, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура [1, с. 14]. Одним из форматов представлений знаков лингвокультуры является текст. В последнее время очень актуальной является проблема переосмысления и уточнения представлений о языке в связи с анализом его функционирования, в частности функционирования в виде текста.

В подходах В.А. Лукина текст – это «сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структуры» [7, с. 27], тогда как Г.В. Колшанский считает, что текст – это «связь по меньшей мере двух высказываний, в которых может завершаться минимальный акт общения – передача информации или обмен мыслями между партнёрами» [6, с.10-14].

Мы понимаем под текстом ряд предложений, объединённых разными типами грамматической, логической и лексической связей [4, с.73].

В области текста работали следующие исследователи: Г.В. Колшанский, Т.М. Дридзе, И.Р. Гальперин, Л.М. Лосева, Л.Н. Мурзин и другие.

Представляется интересным рассмотреть лингвокультурамы в структуре текста. Этот термин рассматривался в работах таких ученых, как: В.Н. Телии, Ю.С. Степанова, В.В. Воробьева и др. В.В. Воробьёв отмечал, что «лингвокультурама включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [2, с. 44-45].

Существуют различные классификации лингвокультурем, например, классификации С. И. Влахова и В. С. Флорина, А. Е. Супруна и др.

Лингвокультурама состоит из трех компонентов и один из них – реалия. Например, С. И. Влахов и В. С. Флорин обосновали следующую классификацию реалий:

- 1) Географические реалии;
- 2) Этнографические реалии;
- 3) Общественно – политические реалии;
- 4) Военные реалии [3, с. 51-56].

Наши исследования основываются на классификации реалий, представленных в монографии С.А. Моисеевой и Е.А. Огневой «Художественный текст как объект межкультурной адаптации»:

- реалии традиционного быта;
- реалии религиозной культуры;
- общественно-политические и исторические реалии;
- географические и административно-территориальные реалии [8, с. 34].

Подчеркнём тот факт, что, когда речь идёт об исследовании концептосферы языка, мы применяем термин «культурама», тогда как при исследовании архитектоники концептосферы художественного текста, а именно номинативных полей художественных концептов, входящих в состав рассматриваемой концептосферы, мы применяем понятие «лингвокультурама» [9, с. 4].

Рассмотрим географические, административно-территориальные, исторические и реалии традиционного быта, как компоненты лингвокультурамы в известном произведении А. Стендаля «Le rouge et le noir» («Красное и черное»).

Прежде всего, нами было изучено три главы текста, в которых мы выделили множество лингвокультурем пяти типов. Наиболее яркими

лингвокультурами являются следующие:

-лингвокультурема традиционного быта- *ces jardins pittoresques; ses maisons blanches; toits pointus; de tuiles rouges; des toiles peintes, dites de Mulhouse; il est vêtu de gris; les murs en terrasse; cette belle habitation en pierres de taille;*

-историческая лингвокультурема – *les villes manufacturières; les campanes de Buonaparté en Italie;*

-административно- территориальная лингвокультурема – *France, l'Allemagne, Leipsick, Francfort, Nuremberg; du maire de village; chevalier de plusieurs ordres; des plaques de marbre;*

-общественно – политическая лингвокультурема – *ces articles jacobins; quatre arpents pour un; une somme de 6000 francs; qui rapporte 800 livres; 300 francs et la nourriture; la Légion d'honneur; un agent secret des libéraux; les journaux du libéralisme; ces articles jacobins; le dépôt de mendicité de Verrières; au cours de la fidelite;*

-географическая лингвокультурема – *Le Doubs (Ду); collines de la Bourgogne; les gorges du Jura; Au delà, sur la rive gauche, serpentent cinq ou six vallées; l'air vif de ces montagnes une santé;*

-религиозная лингвокультурема- *le curé.*

Представляется интересным более детально рассмотреть лингвокультурему- *cette belle habitation en pierres de taille* (этом красивый особняк из тесаного камня).

Во Франции в 19-го века все меньше становится жилищ дворцового типа – отелей, их сменяют особняк и вилла, развиваются доходные дома, появляется новый тип жилья – рабочее жилище. Хорошее жилище становится средством рекламы, свидетельством зажиточности и респектабельности [5].

Во второй главе более детально рассмотрим общественно – политическую лингвокультурему- *les articles jacobins* (якобинские статьи), которая тесно пересекается с исторической лингвокультуремой – *jacobins* (якобинские).

Якобинцами называли участников Якобинского клуба, французского политического клуба эпохи Великой французской революции – самое известное и влиятельное политическое движение революции, связанное с определением радикального эгалитаризма, республиканизма и применения насилия в достижении целей, приведших к созданию революционного правительства 1793-1794 годов. Проводили они свои заседания в стенах монастыря святого Якова в Париже. Отсюда и пошло название партии якобинцев [12].

В третьей главе мы также выделили несколько лингвокультурем. Из всех типов реалий, более яркой, на наш взгляд, представляется следующая- *la Légion d'honneur* (Почётный легион).

По утверждению генерала Де Голля – «Почётный легион – это сообщество элиты живых». Орден Почётного легиона – национальный орден, учреждённый Наполеоном Бонапартом 19 мая 1802 года. Он был предложен не как награда, а как организационное объединение лучших из лучших, с идеологической привязкой к рыцарским орденам и античной истории [11].

Лингвокультуемы могут представлять собой односоставные или многосоставные номинанты. Под односоставным номинантом мы понимается языковая структура, состоящая из ядра и одного или нескольких компонентов (зависимых слов), характеризующих какой-либо параметр: пространственный, временной, качественный, количественный и т.д. [10, с. 89]. Под многосоставным номинантом подразумевается языковая структура, состоящая из ядра и нескольких зависимых слов/ словосочетаний, характеризующих два и более параметра (пространственные, временные, качественные, количественные и т.д.) [10, с. 89]. В нашем исследовании мы выявили односоставные и многосоставные лингвокультуемы, выявлена высокая частотность односоставных номинантов.

Рассмотрим подробнее реалии традиционного быта. Примечательно, что чаще всего определением к ядру являются лексемы, номинирующие цвет, например: *ses maisons blanches; de tuiles rouges; il est vêtu de gris*. Определениям и в составе этих лингвокультурем являются имена прилагательные, номинирующие цвет.

Номинант *la beauté des fraîches et profondes vallées qui l'entourent* – двусоставный, в котором *vallées* – ядро и два зависимых слова, которые характеризуют пространство (*profondes*) и состояние воздуха (*fraîches*).

Таким образом, анализ текста романа А. Стендаля «Le rouge et le noir» показал высокую частотность лингвокультурем, представляющих собой односоставные номинанты исследуемого номинативного поля.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно - смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Изд-во Флинта, 2010. – 288 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология : учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 332 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 351с.
4. Гаджикеримова Э.Г. Лингвокультуемы в описании городского ландшафта (на материале романа А. Стендаля «Le rouge et le noir») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2016. – № 11. – С. 72-76
5. Жилища Франции 19-20 веков // Инфозиум. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.infozium.ru/m5_houses/zhilishcha_frantsii_19-20_vekov.html (дата обращения: 21.02.2017).
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175с.
7. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Ось, 1999. – 268с.
8. Моисеева С.А., Огнева Е.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография, 3-е изд. доп. – М.: Эдитус, 2013. – 192с.
9. Огнева Е.А. Алгоритм построения когнитивной текстовой социокультурной

модели // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2016. – № 11. – С. 49-55.

10. Огнева, Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – №1. – С. 88-95.

11. Орден Почетного Легиона во Франции // Проза. – 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2011/09/03/721> (дата обращения: 22.02.2017).

12. Якобинцы // Википедия. – 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Якобинцы> (дата обращения: 23.02.2017).

Источники фактического материала:

13. Stendhal. Le rouge et le noir. – М.: Posket, 1998. – 618с.

УДК 80.81

Дата публикации 15.02.2017

Голубева Е.В. Семантическая структура слова. Используемая терминология

Голубева Евгения Владимировна

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, РФ г. Элиста

Аннотация: В данной статье анализируются термины и их содержание, связанные с семантической структурой слова, актуализируется лингвистическая трактовка определенного круга понятий, употребляющихся в отношении омонимии в языке.

Ключевые слова: термины, омонимия, лексический состав языка

Semantic structure of a word. Terminology in use

Golubeva Evgenia Vladimirovna

Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikova, RF, Elista

Abstract: The present article analyses the terms and their content related to the semantic structure of a word, analyses linguistic interpretation of specific group of concepts used in homonymy in language.

Keywords: terms, homonymy, lexical structure of language

Слово в языке вообще (вне национальных форм языка) – это единица, которая выполняет номинативную функцию, т.е. любое слово называет что-то,

что формирует понятие «обозначаемое».

Обозначаемое – это существующее понятие (в лингвистике – это то, о чем говорит коммуникант), с которым связано обозначающее. Отношения, существующие между обозначаемым и обозначающим, произвольны и необъяснимы, но присущи любому знаку. Знак в лингвистике – это основное понятие семиотики, наблюдаемый предмет, отсылающий к чему-либо другому, недоступному непосредственному наблюдению.

Слова любого языка имеют одно, два или более значений, связанных между собой определенными связями. Несмотря на многозначность, слово представляет собой семантическое единство (совокупность значений слова), которое называется **семантической структурой слова**. В момент возникновения слово всегда однозначно. Причинами, появляющимися в процессе употребления слова в переносном значении, считаются тождественность явлений или их смежность, поэтому все значения многозначного слова более или менее связаны между собой.

Слова систематизируют человеческий опыт, обозначают лиц, предметы, признаки, действия, состояния, процессы и т.д.

Значение слова формируется в процессе функционирования языкового знака. По определению А.Н. Леонтьева, **значение слова** «есть то, что открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость» [Леонтьев 2003: 387].

Значение слова подвижно, это величина, которая может расширяться за счет внутренних или внешних ресурсов языка. В том случае, когда несколько значений слова формируют семантическую структуру слова, возникает полисемия. **Полисемия** – это многозначность (эти два термина используются как взаимозаменяемые), наличие у слова (единицы языка) двух или более взаимосвязанных и исторически обусловленных значений. В современном языкознании выделяют грамматическую и лексическую полисемии.

С понятиями полисемии связано определение термина **сема**. Семы (минимальная, предельная, далее не членимая составная часть лексического значения (семемы). Например: слова хороший-нехороший различаются семой отрицания.

Сема – термин, обозначающий минимальную единицу языкового плана содержания (элементарное лексическое или грамматическое значение). **Семема** – это совокупность сем, включающая дифференцирующие признаки сем. В лингвистике существует соотносимая, а иногда и взаимозаменяющая единица, связанная с термином семема, единица, которая называется **семантема** (структурная единица семантики слова, обозначающая определенное понятие).

Язык – постоянно развивающаяся и изменяющаяся система, которая допускает качественные и количественные трансформации на всех своих уровнях, включая и лексику. Значительное расхождение в вариантах значения одного слова позволяет разделить его на омонимические формы. **Омонимия** – это существующие связи между одинаковыми по форме лексемами. Полное

отсутствие каких-либо совпадающих элементов в семантической структуре слова – вот главный признак, характеризующий явление омонимии.

Одно из самых ранних определений омонимов принадлежит Ш. Балли, который называет омонимами «два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые». В школьной грамматике общепринятым является следующее определение термина: **омонимы** – это слова, одинаковые по звучанию, но разные по своему значению.

В зависимости от принадлежности каждого из омонимов к какой-либо части речи дифференцируют омонимы *лексические, грамматические и лексико-грамматические*. Лексические омонимы имеют тождественную грамматическую форму, но различаются по лексическому наполнению. Грамматические омонимы принадлежат к разным частям речи, но обнаруживают смысловую общность. Лексико-грамматические омонимы совпадают по форме, но имеют расхождения и в смысловом наполнении и в грамматической отнесенности.

В данной работе принимается дифференциация определений: **полные омонимы** – это слова одной части речи, совпадающие по звучанию и написанию во всех своих формах, например: русск. **ключ** «металлический стержень с особой комбинацией вырезов для отпираания и запираания замка»; **ключ** «естественный выход подземных вод на поверхность земли; источник, родник». **Неполные омонимы (частичные)** – это слова одной части речи, совпадающие по звучанию и написанию не во всех формах, например: русск. **рот** «полость между верхней и нижней челюстями, снаружи закрытая губами»; **рот** (родительные падеж множественного числа от слова *рота*) «воинское подразделение, входящее обычно в состав батальона». С понятием неполные омонимы в грамматике русского языка связан термин **омоформа**, который характеризует стилистический аспект омонимии.

Омоформа – это совпадение звучания и написания одной или нескольких форм слов, например: *дорогой* – именительный падеж прилагательного мужского рода и *дорогой* – родительный, дательный падежи прилагательного женского рода.

Со стилистическим оформлением текста связаны термины **омофоны** и **омографы**, использующиеся для создания художественной выразительности в разговорной речи, в шутках и каламбурах. **Омофоны** – это слова одинаково звучащие, но разные по написанию, например: русск. *гриб* – *грипп*; *кот* – *код*; *бог* – *бок* и т.д. **Омографы** – это слова одинаковые по написанию, но разные по произношению, отличающиеся постановкой ударения, например: русск. *разрЕзать* – *разрезАть*; *стрЕлки* – *стрелкИ*; *Ирис* – *ирИс* и т.д.

Характерные особенности омонимов, как проявления асимметрии языкового знака, наиболее ярко проявляются при объединении соответствующих лексем в группы, т.е. несколько омонимов образуют омонимические ряды. **Омонимический ряд** – это многокомпонентная группа слов, связанных между собой отношениями омонимии.

По количеству компонентов в омонимическом ряду выделяются **омопара** и **омогруппа**. **Омопара** – это омонимический ряд, состоящий из двух

компонентов. **Опогруппа** – это омонимический ряд, состоящий из трех и более компонентов.

По морфологической отнесенности выделяются омонемы. **Омонемы** – это омонимический ряд, компонентами которого являются имена существительные. В этом направлении отсутствуют научно обоснованные термины для обозначения глагольных омонимов и омонимов-прилагательных. Омонимические ряды, компоненты которых обозначают признак, называются **адъективными омонимами**.

Таким образом, обзор терминов, имеющих отношение к разрабатываемой в научно-исследовательском проекте РГНФ проблематике, показал, что в современной лингвистике отсутствуют единые общепризнанные и общепринятые обозначения ряда понятий. Это, во-первых, свидетельствует о сложности теоретического обоснования семантической структуры слова и языковой омонимии, а также о многомерности терминов. Во-вторых, отсутствие единства мнений ученых-лингвистов, возможно, говорит о недостаточном понимании некоторых аспектов, поэтому требует дальнейшего поиска и исключения вариативности.

В научно-исследовательской работе над созданием словаря омонимов с использованием материалов русского, калмыцкого, английского языков (проект РГНФ № 16-04-00304), над которым работает коллектив исполнителей на базе Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, вызывает большие трудности определение круга используемых терминов по омонимии и полисемии указанных языков. Адекватного перевода терминов на калмыцкий язык просто не существует, поэтому это становится актуальной задачей, требующей теоретического обоснования и подходящего решения. Это объяснимо с точки зрения разработанности этой проблематики в калмыковедении. В калмыцком языкознании на современном этапе отсутствует словарь омонимов, и это является существенным пробелом в структурном описании языковой системы в целом.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Евсеева И.В., Лузгина Т.А., Славкина И.А., Степанова Ф.В. Современный русский язык: Курс лекций / И.В.Евсеева, Т.А. Лузгина, И.А. Славкина, Ф.В. Степанова; Под ред. И.А. Славкиной; Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2007. 642 с.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1, 2. М., 2003.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010.
5. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.

УДК 81'367

Дата публикации 28.02.2017

Гурова Ю.И. Древнеанглийские превербы как способ передачи глагольного действия

Гурова Юлия Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения,
РФ, Санкт-Петербург

Аннотация: В нашей статье мы рассматриваем случаи употребления превербов в глагольной системе древнеанглийского языка, для того чтобы выделить их морфологический аналог в языковой системе современного английского языка.

Ключевые слова: превербы, префиксы, английский язык, фразовые глаголы

Old English Verbals is a way of expressing the verbal action

Gurova Yulia Ivanovna

Saint Petersburg Institute of Cinema & Television, Russia, St. Petersburg

Abstract: There are regarded the cases of preverbal use in the synchronic structure of a sentence in the Old and Middle English language to sort out some morphological means of the given aspect in the system of the modern English language.

Keywords: preverbs, prefixes, the English language, phrasal verbs

Излишне говорить, что в среднеанглийский период (далее СА) в глагольной системе произошло большое количество изменений. Некоторые из них являются более важными, чем другие, а некоторые более загадочным в исторической лингвистике. Конечно, невозможно охватить все преобразования, которые претерпела глагольная система английского языка с начала письменных времен, но мы попытаемся рассмотреть некоторые основные из них. К основным изменениям глагольной системы можно отнести:

- Сокращение превербов как результат сокращения префиксов;
- Появление предложного типа пассива;
- Исчезновение глагольной морфологии для маркировки наклонения, времени и лица;
- Изменение порядка слов в предложении (положение сказуемого в повествовательном главном предложении);
- Развитие семантической структуры в построении безличных предложений;
- Употребление форм дательного падежа для обозначения направления движения, выражаемого управляющим глаголом;

- Супплетивизм глагола «быть» (*to be*) и др.

Проведем детальный обзор одного из этих изменений и взаимосвязанных с ними различных языковых явлений для выявления наличия возможности влияния общего трансформационного сдвига на систему английского языка. Именно для установления различных нюансов, имеющих прямое отношение к глобальному изменению глагольной системы языка, мы обратимся в нашем сравнительно-сопоставительном анализе.

В древнеанглийском языке (далее ДА) был обширный набор префиксов, присоединяемых к глаголам (*a-*, *be-*, *ge-*, *for-* и др.). Данные префиксы имели главным образом влияние на лексическое значение глагола (которое в свою очередь влияло на синтаксическую конструкцию). Превербы по-прежнему можно найти в голландском и немецком языках, например, глагол *forburnt* имеет значение «сгореть полностью», которое имеет более ограниченное использование со значением глагола *burnt* «гореть».

Постепенно превербы исчезли из английского языка в СА период. По словам Л. Бринтон [3, с. 240] германские превербы в английском языке выполняли функцию словесных частиц, которые использовались после глагола, давая специфическую информацию действия (*sit down*, *stand up* и т.д.). Превербы / предлоги по-прежнему легко используются в паре с глаголом, образуя единство фразы, давая при этом чаще всего свое отвлеченное значение (*look for* – искать, *look forward* – ждать с нетерпением, *look up* – брать пример с). Языковое изменение относительно английского глагола с превербами имеет мало общего с трансформационным сдвигом языка, более вероятно, что основные изменения произошли в результате своего рода обобщения или разобщения элементов значения превербов, которые были более весомые и присущие для глагола, чтобы получить более гибкие единицы в использовании. Таким образом, слова с превербами от одного из их компонентов в данном процессе становятся более общими, способными выразить большее значение с наименьшим количеством морфологического дополнения. Эта трансформация связана с потерей номинального статуса некоторых частей речи - переход от системы склонения к парадигме предлогов, изменения, наблюдаемые в большинстве индоевропейских языков (далее ИЕ) [1, с. 89].

Но существовала ли в германских языках система аспекта? Попробуем рассмотреть проблему с точки зрения протоиндоевропейского языка (далее ПИЕ), т.к. совершенно очевидно, что ПИЕ язык начал развитие временной системы из аспекта. Когда германские языки стали развиваться, основу для развития видовременной системы они взяли из ПИЕ аспекта, особенно относительно развития неправильных глаголов, т.к. «...проявление аблаута неправильных глаголов в германских языках показывает не только подтверждения ПИЕ праосновы, но также является доказательством того, каким образом третичная аспектность позднего ПИЕ языка эволюционировала в двоичную систему в германских языках» [5, с. 155]. Данный факт указывает на то, что аспектная система ИЕ языка именно таким образом трансформировалась в бинарную (прошрое / настоящее) видовременную систему. Германская языковая система, как прямой потомок ИЕ аспекта, не

репрезентирует аспект, т.к. дихотомия аспекта явилась основой развития и становления видовременной системы позже [2, с. 29].

Существуют менее весомые свидетельства в древнесаксонском языке, где *ge-* испытывает недостаток в дистрибутивных образцах, связанных с маркером грамматического аспекта. И. Рауш [8, с. 185-240] полагает, что в данном случае предлог функционирует, как лексическое средство, за исключением его использования с причастиями прошедшего времени. Использование приставки *ge-* с древнесаксонскими причастиями может быть продуктом более ранней системы, в которой оппозиция между бесприставочными и приставочными формами произошла у всех глаголов [10, с. 117-133]. Морфема *ge-* не единственная приставка, которая может иметь эффект на вид глагола, существует ряд других приставок, которые могут иметь такое же влияние на глагольную форму [6, с. 28-35].

Использование вербиальных приставок может затронуть семантику глаголов и их окружение, в котором они используются. Одна из приставок, которая является особенно спорной в семантическом плане – германская морфема, представленная готской формой *ga-*, древнесаксонской *gi-* и древнеанглийской *ge-* (в нашей работе просто приставка *ge-*). Эта приставка могла присоединяться к существительным и к глаголам, а в древнеанглийском и в древнесаксонском к причастиям прошедшего времени. Семантическое содержание и морфосинтаксическая функция приставки *ge-* являются объектом научного обсуждения, при котором возникают многие противоречия; среди рассмотренных теорий – эта приставка передает значение перфекта, или совершенного времени, означающий [6, с. 10].

Однако, существует достаточно свидетельств того, что приставка *ge-* не передает подобное семантическое содержание, т.к. является частью постоянной и обязательной грамматической системы видового аспекта, которую можно найти в славянских языках. Для ДА языка Ф. Шерер [9, с. 245] и Дж. Линдемманн [6, с. 8] доказали, что распространение форм с приставкой *ge-* не коррелирует с семантикой совершенного вида или перфекта; например, форма претерита *gehyrdon* – услышал, могла быть использована при переводе латинского несовершенного глагола, который обозначает продолжающееся, незаконченное действие [9, с. 247]. Если *ge-* не грамматическая морфема, выражающая аспект, то более вероятно, что она используется для передачи лексического значения, которое затрагивает вид глагола. Свойства вида глагола, которые переданы таким образом, могут взаимодействовать с прагматическими и грамматическими факторами, такими как время глагола, чтобы передать большое разнообразие значений совершенности / несовершенности для любой формы глагола [7, с. 6].

Вопрос состоит в том, чем можно объяснить семантическое распространение приставки *ge-*; от оригинального, более конкретного значения, возможно, более направленного по своей природе происхождения. Составляющие единой формы воссоединились, чтобы сформировать семантический спектр в пределах одной формы, которая сохраняет этот пространственный смысл и тяготеет по смыслу к совершенному виду, значение

которого возникло через понятие достижения цели [7, с. 3-8].

В самых ранних текстах германская временная система очень проста, она состоит из трех именных форм, двух сослагательных и двух простых времен. С того времени единственным изменением стало развитие перифрастических форм будущего, перфекта и в английском языке перифрастических форм имперфекта и прогрессива (Progressive). Данные факты говорят о том, что в германских языках не существовало аспектной системы, которая могла быть просто заменена на основе оппозиции простого и совершенного времени. Грамматические формы возникают из конкретных потребностей носителей языка и не создаются без причины, кроме того, язык должен быть очень хорошо приспособлен для быстрой адаптации новой грамматической формы и его носителей. Например, Г. Гийом объясняет становление безличных форм глагола в французском языке за счет трехступенчатой фазы развития с помощью сокращения использования аспектной системы из латинского языка. Именно данная ступень развития стала ключевой для формирования прошедшего причастия «...форма которая была больше похожа на прилагательное, чем на глагол» [4, с. 89]. Из этого следует, что совершенные формы первоначально стали использоваться в устной форме, но нуждались грамматически в оформлении вербальной формы, т.к. только в данном случае прошедшее причастие могло выполнять функцию глагола. Г. Гийом также комментирует ситуацию об исчезновении превербов, как аспектных маркеров: «Тенденция использования, а затем исчезновения превербов имела собственные грамматические последствия, т.к. в языке, в котором постепенно использование превербов отходило на второй план, стал учитываться аспект, который только стал проявляться в языке на данный момент и получил адаптацию с появившимися новыми языковыми элементами» [4, с. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что превербы использовались не совсем аспектально (по крайней мере, не являлись систематически-грамматическими показателями), а, скорее, передавали способ глагольного действия (*Aktionsart*), т.е. давали «...указание на имманентно-временное качество ситуации» [3, с. 4]. Следовательно, становление перфекта в английском (и других языках) не является следствием или причиной исчезновения, или ослабления глагольных префиксов. На самом деле, аналогом превербов в языковой системе было не совершенное или длительное время, а появление фразовых глаголов.

Библиографический список

1. Гурова Ю.И. Перевод: воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода. Монография. – СПб.: Реноме, 2010. – 240 с.
2. Гурова Ю.И. Основы английского языка (теоретико-практический курс, рекомендован Гриф УМО). Учебное пособие. – СПб: СПбГУП, Сер. Библиотека гуманитарного университета, 2016. 322 с.
3. Brinton L. J. The Development of English Aspectual Systems. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 320 p.

4. Guillaume G. Foundations for a Science of Language. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1984. — 175 p.
5. Hewson J. Guillaumian Linguistics: Encyclopedia of Language and Linguistics / J. Henson. — Cambridge: Cambridge University Press. — 1995. — 294 p.
6. Lindemann, J. W. R. Old English Preverbal 'Ge-': Its Meaning. — Charlottesville: University Press of Virginia, 1970. — 71 p.
7. Mitchell, B. Linguistic Facts and the Interpretation of Old English Poetry, in On Old English. — Oxford: Blackwell, 1988. — 4680p.
8. Rauch, I. The Old Saxon Language: Grammar, Epic Narrative, Linguistic Interference. — New York: Lang, 1992. — Vol. 1. — 416 p.
9. Scherer, P. Aspect in Gothic // Language. — 1954. — Part 32. — Pp. 423-34.
10. Watts, S. How to Become an Auxiliary: Progressive and Perfect in Old Saxon', in Zur Verbmorphologie germanischer Strachan / S. Watts, J. West, H.—J. Solis // Linguistische Arbiter 446. — Tübingen: Niemeyer, 2001. — Pp. 117–135.

УДК 81'22

Дата публикации 24.02.2017

Ковалева И.В. Использование вербальных маркеров вежливости в побудительных высказываниях

Ковалева Ирина Викторовна

Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: Статья посвящена использованию вербальных маркеров вежливости в побудительных высказываниях. Роль побудительных высказываний в языке как средстве общения исключительно велика. В статье отмечается, что существуют различные способы выражения побуждения. Выбор формы побуждения зависит непосредственно от ситуации, в которой находится говорящий. Актуальность статьи обусловлена потребностью в изучении вежливых форм в побудительных высказываниях. В статье подчеркивается, что именно вежливость является ключом к успешной коммуникации.

Ключевые слова: побуждение, коммуникация, регистр, вербальные средства, ситуативный вариант, вежливость

Use of verbal markers of politeness in the imperative utterances

Kovaleva Irina Victorovna

Southern Federal University, RF, Rostov-on-Don

Abstract: The article is devoted to the use of verbal markers of politeness in

the utterances. The role of imperative utterances in the language as the means of communication is extremely important. It is pointed out that there are different ways to express inducement. The choice of the form depends on the situation of the communication. The article is actual as it is important to study polite forms to express inducement. It is stated in the article that politeness is the key to successful communication.

Keywords: inducement, communication, register, verbal means, situational variant, politeness

Роль побудительных высказываний в языке как средстве общения людей исключительно велика. Существуют различные формы выражения побуждения, выбор которых зависит от ряда экстралингвистических факторов, к числу которых относятся: возраст участников коммуникативного акта, их социальный статус, положение в обществе, непосредственно обстановка, в которой они оказываются. Иными словами, речь идёт о регистре общения, который «можно определить как ситуативный вариант использования вербальных средств в сочетании с паравербальными и невербальными, детерминированный официальным / неофициальным характером обстановки, кооперативным / некооперативным характером взаимодействия, субординативными / несубординативными отношениями между коммуникантами и степенью социально-психологической дистанции между ними» [2, с.98 — 99].

Будучи заинтересованным в положительной вербальной или невербальной реакции со стороны собеседника, говорящий старается использовать вежливые формы, так как именно через стратегию вежливости происходит установка на кооперацию. Эта стратегия является одной из основных коммуникативных стратегий в английской лингвокультуре. Её сущность заключается в стремлении учитывать, какой эффект произведёт наша речь на собеседника [6, с.68].

Значимость данной стратегии трудно переоценить в так называемых ликоущемляющих императивных речевых актах, затрагивающих интересы собеседников, поэтому изучение способов их смягчения является очень актуальной проблемой. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из основных маркеров вежливости, используемым при выражении побуждения, является слово **please**, которое часто употребляется как softening device в императивных конструкциях.

Например: Not too short, please. **Please**, make my hair short and straight.

Очевидно, ситуация происходит в салоне красоты. Клиент обращается к парикмахеру с просьбой, используя в речи императив в сочетании с маркером вежливости *please*, тем самым демонстрируя доброжелательное отношение к собеседнику. Волеизъявление в результате звучит как мягкая просьба.

Маркер вежливости *please* обязательно используется экипажами самолётов, отдающими распоряжения пассажирам, что снижает категоричность данных распоряжений:

We have now landed. **Please, remain seated** until the aircraft has come to a

complete stop. Данное распоряжение смягчается за счёт употребления маркера вежливости *please*.

Еще одним маркером вежливости является усилительное наречие **kindly**. Так, например, члены экипажей самолётов используют его, обращаясь к пассажирам с просьбой следовать всем необходимым правилам безопасности:

Before take off we **kindly ask** you to read the instructions that you will find in the seat pockets in front of you. Адресант употребляет усилительное наречие **kindly** и перформативный глагол *ask*, чтобы подчеркнуть особую значимость, совершения действия и, вместе с тем, доброжелательное отношение к пассажирам.

При выражении побуждения говорящему необходимо выбирать смягчающие формы, воздействовать на собеседника не прямо, а косвенно. Таким образом, для английских коммуникантов характерно использование косвенных речевых актов. Косвенные формы побуждения более эффективны и часто употребительны. По мнению многих лингвистов, именно они служат залогом успешного общения. Таким образом, для снижения интенсивности коммуникативного воздействия на собеседника в тех речевых актах, где это воздействие приходится оказывать, английские коммуниканты используют целую систему разнообразных стратегий: выражают побуждение не прямо, а косвенно; проявляют большой интерес к возможности, желанию, заинтересованности адресата в совершении действия [7, 71].

Использование косвенных форм выражения значения побуждения показывает вежливое отношение к собеседнику, его заинтересованность в получении положительного ответа.

Таким образом, следующим маркером вежливости являются **модальные глаголы** в косвенных речевых актах. Так, для выражения просьбы англичане отдают предпочтение вопросительным конструкциям с модальными глаголами с целью снижения коммуникативного давления на собеседника. Как отмечает Н.Б. Боева-Омелечко, реализуя с помощью вопросов-побуждений принципы Don't impose и Give options, выделенные Р. Лакоф [8, 270], «говорящий пытается избежать давления на адресата и одновременно предоставить ему выбор (хотя бы формальный), совершать действие или нет. т. е. он рассматривает адресата как личность со своими желаниями и интересами» [1, 86]. Например:

Can I have some tea? **Could** I take this book? Форма *could* употребляется для более вежливого обращения. Excuse me, **please, could you tell** me the way to the railway station.

В последнем примере, обращаясь к собеседнику, говорящий уверен, что слушающий может по-разному отреагировать на его просьбу, может как помочь ему, так и нет. Поэтому он формально предоставляет ему выбор и демонстрирует вежливость.

Модальных глаголы **will** и **would** используются для выражения вежливого предложения о помощи, однако, форма *would* звучит более вежливо, так как содержит большую степень заинтересованности адресата в совершении действия. Так для выражения вежливой просьбы-

побуждения: **Will you stop arguing!** Добавление *please* к высказыванию, начинающемуся с *will (would) you*, ясно показывает, что это не вопрос, а просьба, и придаёт ему более вежливый оттенок: **Would you give me the letter, please?**

Как отмечает Г.А. Вейхман, высказывания, начинающиеся с *won't you*, передают оттенок большей скромности и вежливости, чем вопросы, начинающиеся с *will you*, и означают, что говорящий учитывает, что его приглашение может быть отклонено. Так, например, хозяйка спрашивает гостя **Won't you have a cup of tea?** [3, 82];

Следующими маркерами вежливости являются сочетания **would you mind, do you mind, would you like, would you care**. Например:

Do you mind if I borrow your pen for a second?

В данном примере говорящий использует конструкцию *do you mind*, которая является вежливой формой выражения побуждения, имеющего целью одолжить у незнакомого человека на время ручку, чтобы заполнить документы.

Would you mind looking after my suitcase for a minute?

В представленном примере говорящий находится в аэропорту и просит собеседника присмотреть за его багажом, используя вежливую конструкцию *would you mind*.

Would you like to speak to the new man, Mr. Smyth?

Высказывания с сочетанием **would you like** являются эффективным средством оформления предложения и позволяют отправителю сообщения кодировать информацию с целью соответствия принципу ненавязывания как неотъемлемой нормы вежливого поведения в британском обществе [4, 17].

Однако иногда в некоторых ситуациях при выражении, например, предложения, можно употребить особые формы обращения, что придаст просьбе более вежливую форму. Например:

Would you like to see the house again, **Mimi**? – Sarah asked.

В данном примере Сара, обращаясь к своей бабушке, при выражении предложения не просто использует конструкцию **Would you like**, но и вежливую форму обращения **Mimi**, что показывает доброжелательное отношение, расположение к собеседнику. Использование такой конструкции свидетельствует о высокой степени заинтересованности адресанта в выполнении действия адресатом и, как правило, приводит к совершению действия.

Еще одним маркером вежливости являются перформативный глагол **to hope**, который часто употребляется для выражения предположения. Использование данного глагола заключается в централизации внимания на чувствах отправителя сообщения. Употребление глагола *to hope* позволяет говорящему выразить субъективную заботу о собеседнике и предполагает наличие в британском обществе норм вежливости, подразумевает невмешательство в деятельность другого человека, так называемый «коммуникативный нейтралитет» [4, 11]. Приведём пример:

By the way, **I hope you don't mind** me calling you Tom?

Адресант, с целью создания дружеской обстановки, чтобы расположить к

себе собеседника, использует в своей речи рассматриваемую форму побуждения. Он понимает, что ещё ничего не знает о своём собеседнике, поэтому обращается к нему вежливо и очень осторожно.

Еще одной характерной чертой английской коммуникации является использование не просто вежливых, а особо вежливых форм побуждения. Так, например, при деловом общении, собеседники, обращаясь друг к другу, употребляют следующую конструкцию:

If it's not intrusive, could you tell me what you do?

При проведении бизнес переговоров, заключении важных сделок, оба партнёра заинтересованы в положительном результате. Поэтому, обращаясь друг к другу, они предельно аккуратны в выборе языковых средств. Каждый старается расположить к себе собеседника, использовать в речи такие конструкции, которые могут помочь им достичь желаемого результата, стать источником успешной коммуникации.

Как правило, использование вежливых форм является важным ключом к успеху. Особенно важно учитывать это, если мы общаемся с людьми, которые старше нас, чьё положение выше или может быть выше нашего. Таким образом, если мы хотим оказаться в удобном положении, необходимо использовать такие формы побуждения, которые считаются вежливыми.

Таким образом, в английской коммуникации имеет место чрезвычайно высокая степень чувствительности к языковому оформлению побудительных высказываний. Существуют различные способы выражения побуждения, однако, англичане стараются использовать в своей речи маркеры вежливости, так как именно вежливость является залогом успешной коммуникации.

Как отмечает Е.А. Земская, именно вежливость управляет речевым поведением людей, диктуя одно употребление и запрещая другое, вполне разрешаемое правилами грамматики и лексики [5, 276].

Библиографический список

- 1.Боева-Омелечко Н.Б., Язык. Культура. Перевод. Коммуникация // Сборник научных трудов к юбилею профессора Г.Г. Молчановой. — 2015. — С.86.
- 2.Боева-Омелечко, Кисиль А.К. Известия ЮФУ // Филологические науки. — 2016. — № 4. — С.98 — 99.
3. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. — М.: Из-во. Астрель, 2000.
4. Гришечко Е.Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2011.
5. Земская Е. А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift fur Slavische Philologie. Band LYI, Heidelberg. —1997.
- 6.Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Из-во. ЛКИ, 2008.
- 7.Ларина Т.В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения // Филол.науки. —2007. — №2. — С. 70-81.
- 8.Lakoff R. The Logic of Politeness, or, Minding your p's and q's // Papers from the

ninth regional meeting of the Chicago University Society. – Chicago, 1973. – P. 292

УДК 1751

Дата публикации 22.02.2017

Морозова М.А., Буслова Л.И. Цветовая лексика Евангелия от Матфея в психолингвистическом аспекте

Морозова Марина Алексеевна

Буслова Людмила Игоревна

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, РФ, г. Елец

Аннотация: Данная статья содержит материалы исследования цветовой лексики в евангельском тексте. Особое внимание уделено цветообозначениям и их свойствам в рамках психолингвистического аспекта.

Ключевые слова: Евангелие, цветовая лексика, психолингвистика, ассоциация, цвет, эмоции

Colour vocabulary of the Gospel according to St. Matthew in the psycholinguistic aspect

Morozova Marina Alekseevna

Buslova Lyudmila Igorevna

Bunin Yelets State University, Russian Federation, Yelets

Abstract: This article contains the materials of the research into colour vocabulary in the Gospel text. The author pays special attention to colour designation and its characteristics regarded in the psycholinguistic aspect.

Keywords: the Gospel, colour vocabulary, psycholinguistics, association, colour, emotions

Евангельский текст как культурно-исторический памятник часто привлекает внимание учёных. Одной из причин этого является социальная значимость сакрального источника знаний для широкого круга людей.

В основе исследований Евангелия лежит сравнительно-исторический метод, когнитивным (в том числе экспрессивным составляющим текста) уделено мало внимания. Данную проблему, по нашему мнению, можно решить с помощью подробного изучения лексем цвета в Евангелии.

Психолингвисты, занимаясь изучением текстов священных писаний, прежде всего обращают внимание на отдельные элементы текста и их взаимосвязь с мыслительной деятельностью человека. Исследование семантики цвета является весьма актуальным направлением в психолингвистике. Одна из основных задач данного направления состоит в изучении воздействия лексем

цвета на психику человека. Степень этого воздействия довольно субъективна и зависит от личностных факторов и определённых жизненных обстоятельств отдельно взятого индивида. Но, несмотря на это, существует понятие национальной цветовой картины мира, которая отражает общие положения её взаимосвязи с реципиентом [3, с. 67-69].

Цель статьи – описать процесс влияния цветолексем евангельского текста на человека и его эмоциональную сферу, учитывая взаимосвязь как современной национальной, так и индивидуальной авторской цветовой картины мира, используя системный анализ интересующих единиц.

Цвет сквозь языковую призму оказывает влияние психоэмоционального характера, вызывая определённые эмоции и чувства. Немаловажную роль в этом влиянии играют грамматические характеристики цветообозначений, в частности, имеются в виду части речи, то есть большое значение имеет то, в каком «обрамлении», с позиции лингвистики, человек воспринимает цвет [3, с. 60].

Цветообраз тесно связан с таким понятием как ассоциация. В ряде исследований по рассматриваемому направлению были сформированы группы цветовых ассоциаций, которые имеют место для каждой языковой группы, что автоматически позволяет их отнести к разряду «психологически выделенных» [4, с. 103]. Психолингвисты в своих исследованиях провели анализ ассоциаций(объекты, явления природы и эмоции) и цветов по семантическим признакам и объединили их в группы слов с общим значением. На основе изученного исследователи пришли к определённым выводам, которые касаются основного «радужного спектра» [11, с. 204 –216]:

Красный – огонь, кровь, мак, вино; гнев, стыд, любовь, активность, радость. Он повышает активность, возбуждает, согревает человека.

Оранжевый– пламя, осень, апельсин; веселье, бодрость, крик. Он тот же красный, но гораздо мягче, поэтому немного раскрепощает чувства.

Жёлтый – солнце, лимон, свет, подсолнух, золото, пустыня, песок; оптимизм, радость, возвышенность. Желтый вызывает чувства вершины счастья, максимум удовлетворенности.

Зелёный – природа, весна, трава, дерево, болото; надежда, спокойствие, уверенность, тоска. Зеленый вызывает максимум чувствительности и вместе с этим для человека нейтрален, вызывает безынициативное пассивное наблюдение.

Голубой – небо, прохлада, лёд, воздух, электричество; спокойствие, нежность, мечта. Голубой успокаивает все чувства, уменьшает активность, но несильно.

Синий – вода, холод, море, ночь; покой, стабильность, вера, печаль. Синий вызывает депрессии, резкое уменьшение активности.

Фиолетовый – космос, сирень, фиалки; мрачность, таинственность. Фиолетовый вызывает снижение жизненного тонуса, понижение активности.

Ахроматические цвета были вынесены в отдельную группу по их влиянию на человека:

Белый – молоко, зима, снег, мел, день; чистота, невинность,

благородство. Белый цвет – холодный, чистый, спокойный цвет, при его воздействии возникает впечатление простоты и скромности.

Серый – пепел, пыль, серебро; грусть, пассивность, тоска. Серый вызывает аккуратность и корректность, создает унылое настроение, вызывая апатию и скуку.

Чёрный – ночь, уголь, земля; смерть, трагизм, независимость. Чёрный цвет – это, в первую очередь, таинственность, опасность, страх, вызывает резкое понижение настроения, являясь мрачным, тяжелым, гнетущим цветом.

Ещё одним важным свойством цвета является температура. Цвет обладает определённой степенью «теплоты» или «холода» в зависимости от места, занимаемого в спектре. Самый горячий цвет – красный, холодный – чёрный, а зелёный является нейтральным.

Чтобы можно было судить о процессе влияния цветовых лексем евангельского текста на человека и его эмотивную сферу, необходим системный анализ лексических единиц.

В ходе исследования было выявлено 77 лексем цвета. Среди них есть как существительные, так и прилагательные (полной и краткой формы), в их семантическом значении присутствуют цвета основной и оттеночной группы, среди основных есть хроматические и ахроматические цвета.

Частотность цветовых лексем такова: багровый (1), багряница (1), белый (2), вино (2), вода (3), голубь (3), горчичный(1), зелень(1), земля (8), золото (5), красный (1), кровь (4), медь (1), небесный (26), небо (4), ночь (1), пшеница (1), сердце (1), серебро(2), снег (1), солнце (2), солома (1), сребренник (4), чёрный (1).

Для дальнейшего описания цветовых обозначений евангельского текста представим полученные данные в виде таблицы:

Таблица 1

Цветовая сема	Цветолексема	Температурное свойство цвета
Белый	Белый, голубь, снег	Холодный
Голубой	Небесный, небо	Холодный
Горчичный	Горчичный	Тёплый
Жёлтый	Золото, солнце, солома	Тёплый
Зелёный	Зелень	Нейтральный
Красный	Багровый, багряница, вино, красный, кровь, медь, сердце	Горячий
Серый	Серебро, сребренник	Холодный
Синий	Вода, ночь	Холодный
Чёрный	Земля, чёрный	Холодный

Исходя из полученной информации и статистических данных лексем цвета, мы можем говорить, что в тексте Евангелия от Матфея, в большинстве своём, встречаются цветовые лексеммы с холодными цветами. В данном случае

прослеживается особое влияние холодных цветов на читателя, в процессе восприятия и мышления они могут отождествляться со спокойствием, душевным равновесием, направленностью к философской мысли.

Обратим внимание на лексико-семантическое поле цвета и определим особенности передачи цвета евангелистом.

Евангелист при создании текста Священного писания больше всего предпочитает употреблять лексемы «небо» и «небесный», передающие голубой цвет. Данные лексемы он использует, прежде всего, при описании Царства Небесного и восхождении Иисуса Христа к небесам. Автор говорит о Царстве Небесном как нисхождении благодати (спокойствия и умиротворения): *2 и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство **Небесное** [3; 2: с. 2]; 17 С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство **Небесное** [4; 17: с. 3].*

Евангелист употребляет цветовую лексему при описании божественной силы и её прямой связи с добрыми и чистыми помыслами и делами: *16 Так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего **Небесного** [5; 16: с. 4].*

Автор уподобляет небесавысшей награде, символу божественной власти: *18 И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на **небе** и на земле [28; 18: с. 37]; 12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на **небесах**: так гнали и пророков, бывших прежде вас [5; 12: с. 4].*

Концепт красного евангелист часто отображает в лексеме «кровь». Текст содержит большое количество цветообозначений «кровь», автор рассказывает о страшных смертоубийствах и наказании за них. Красный цвет является символом агрессии и страха: *35 да придет на вас вся **кровь** праведная, пролитая на земле, от **крови** Авеля праведного до **крови** Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником [23; 35: с. 28].*

Данная лексема употреблена в виде олицетворения самого Иисуса Христа, речь идёт о предательстве Иуды и его позднем раскаянии, приведшим к убийству (пролилась кровь при распятии). Красному цвету придаётся значение агрессии и даже смерти: *4 говоря: согрешил я, предав **кровь** невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам [27; 4: с. 34]; 6 Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена **крови** [27; 6: с. 34]; 8 посему и называется земля та «землею **крови**» до сего дня [27; 8: с. 34].*

Есть в тексте лексемы с прямым значением красного цвета. Автор в евангельском тексте отождествляет природные явления и знамение свыше. Красный – предвестник бури и ненастья: *2 Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ветер, потому что небо **красно** [16; 2: с. 19]; 3 и поутру: сегодня ненастье, потому что небо **багрово**. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете [16; 3: с. 19].*

Чёрный цвет содержится в лексемах со значением «земля». Создатель текста Священного писания повествует о послании, которое получил Иосиф во сне, говорящем об опасности для Сына Божьего (гибели от рук Ирода). Значение чёрного цвета связано с опасностью: *20 и говорит: встань, возьми*

*Младенца и Матерь Его и иди в **землю** Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца [1; 20: с. 2]; 21 Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в **землю** Израилеву [2; 21: с. 2].*

В содержании текста имеется в виду земля для погребения странников, купленная на деньги, за которые Иуда предал Сына Божьего. Чёрный цвет в своём концептуальном значении выражает смерть: *8 посему и называется **земля** та «**землю** крови» до сего дня [27; 8: с. 34].*

Земля по значению противопоставляется небу как символу божественности: *18 Ибо истинно говорю вам: доколе не преидет небо и **земля**, ни одна иота или ни одна черта не преидет из закона, пока не исполнится все [5; 18: с. 4]; 18 И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на **земле** [28; 18: с. 37].*

Есть в представленном тексте лексема и с прямым значением чёрного цвета. Чёрный в данном случае выступает как противоположность белому цвету: *36 ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или **черным** [5; 36: с. 5].*

Концептуальное значение жёлтого цвета выражают больше других лексемы с названием «золото». Автор представляет нам языковую единицу в контекстуальном значении дара от волхвов для Иисуса в день его Рождества: *11 и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, нав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: **золото**, ладан и смирну [2; 11: с. 2]; 9 Не берите с собою ни **золота**, ни серебра, ни меди в поясы свои [10; 9: с. 11].*

Ценность золота описывается его священностью, при чём священностью не как дорогой стоимостью, а его нахождением в храме. Жёлтый цвет как символ священной чистоты и сияния: *16 Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется **золотом** храма, то повинен [23; 16: с. 28]; 17 Безумные и слепые! что больше: **золото**, или храм, освящающий **золото**? [23; 17: с. 28].*

Концепт серого в лексемах со значением «серебро» и «сребренник». Серебро как цветообозначение представлено автором под видом денег, принадлежащих Господину: *27 посему надлежало тебе отдать **серебро** мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью [25; 27: с. 31].*

Лексема «сребренник» играет роль денег, за которые Иуда продал Иисуса. Серый цвет в данном случае в значении предательства, скорби и алчности: *15 и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать **сребреников** [26; 15: с. 32]; 3 Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать **сребренников** первосвященникам и старейшинам [27; 3: с. 34]; 5 И, бросив **сребренники** в храме, он вышел, пошел и удавился [27; 5: с. 34]; 6 Первосвященники, взяв **сребренники**, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови [27; 6: с. 34].*

Лексема «вода» содержит в семантике чаще всего сему синего цвета, связывающуюся автором с божественной и целительной силой: *16 И, крестившись, Иисус тотчас вышел из **воды**, – и се, отверзлись Ему небеса, и*

*увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него [3; 16: с. 3]; 42 И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной **воды**, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей [10; 42: с. 12].*

Лексемы «снег» и «голубь» в своей семантике имеют сему белого цвета. Данный цвет и снег отождествляются автором, характеризуя образ Сына Божьего. Белый цвет выступает как символ непорочности, божественности и света: *3 вид его был, как молния, и одежда его бела, как **снег** [28; 3: с. 36]; 16 И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как **голубь**, и ниспускался на Него [3; 16: с. 3]; 16 Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как **голуби** [10; 16: с. 11]; 12 И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих **голубей** [21; 12: с. 25].*

Лексема «зелень» передаёт прямое значение зелёного цвета: *26 когда взошла **зелень** и показался плод, тогда явились и плевелы [13; 26: с. 15].*

Цветовая лексема «горчичный» отображает оттенок горчичного: *31 Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну **горчичному**, которое человек взял и посеял на поле своем [13; 31: с. 15].*

Евангельский текст содержит цветовые лексемы с обозначением голубого, красного, чёрного, жёлтого, серого, синего, белого, зелёного и горчичного цвета. Согласно основному радужному спектру, присутствуют все цвета, кроме оранжевого и фиолетового, а также все компоненты ахроматической группы цветов. Отмечается наибольшее количество голубого, красного, чёрного, серого и жёлтого цвета.

Рассматривая грамматическую составляющую цветообозначений, можно прийти к выводу, что в авторском лексико-грамматическом поле цвета присутствуют 33 имени прилагательных и 44 имени существительных. Прилагательные и существительные немного по-разному раскрывают восприятие цветовых сем через различные виды мышления. При восприятии прилагательных больше задействовано наглядно-образное мышление, что в нашем случае позволяет ощущать цвет, представляя его образно, как бы «додумывая» эту картину, задействовав воображение. Существительные в своём значении и представлении реального объекта, позволяют включить при восприятии конкретно-предметное мышление. Итак, индивидуальная авторская картина цвета нацелена на восприятие с помощью обоих типов мышления, что составляет полноценный процесс ощущения цвета в евангельском тексте.

Изученная авторская цветовая картина мира в Евангелии от Матфея говорит нам о следующих свойствах концептуальных значений цветовых лексем: голубой – выражает символ божества, чистоты, света, спокойствия и величия; красный – агрессии, страха, убийства, опасности; чёрный – смерти, страха, мрачности и тревоги; жёлтый – священности, счастья, радости, сияния; серый – скорби, предательства, тоски; синий – божественной силы, чистоты, целительства; белый – чистоты, непорочности, божественности, света; зелёный – рождения нового, свежести.

Подводя итог, следует отметить, что восприятие цветовых обозначений евангельского текста основывается на тесной взаимосвязи современной национальной цветовой и индивидуальной авторской картины мира. И как показывают результаты данного исследования: ощущение цветовой лексики Евангелия в современном мире может найти своё отражение в видении той же лексики евангелистом.

Библиографический список

1. Атаджанян С.А. Исторический и когнитивный аспекты изучения цветоименований // Язык и культура. – 2001. – № 15. – С. 142-149.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в современном русском языке. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
3. Богданова О.А. Свето- и цветообозначения как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: на материале прозы Г. Грасса: дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 197 с.
4. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А. П. Василевича. – М.: Ком. книга, 2005. – 216 с.
5. Вежицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. – М.: Просвещение, 1996. – 291 с.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
7. Клар Г. Тест Люшера. Психология цвета. – М.: Вече: Персей, 1998. – 94 с.
8. Корбут А.Ю. Соотношение глубинного и поверхностного уровней структуры в текстах Евангелий Нового Завета: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 125 с.
9. Кубланов М.М. Новый Завет. Поиски и находки. – М., 1968. – 232 с.
10. Лазаревич О.Н. Теоретические проблемы описания фрагментов языковой картины мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1995. – 100 с.
11. Люшер М. Цвет вашего характера. – М.: Вече: Персей, 1996. – 394 с.

УДК 811.161

Дата публикации 24.02.2017

Полонникова О.Л. Способы выражения эмфазы англоязычного научного дискурса

Полонникова Ольга Леонидовна

Донецкий институт железнодорожного транспорта, г. Донецк

Аннотация: В статье осуществлен комплексный подход к определению понятия эмфазы и эмфатической конструкции. Подвергнуты анализу лексические, морфологические и синтаксические средства выражения эмфазы. Описан стилистический эффект использования эмфатических конструкций в

научной англоязычной литературе.

Ключевые слова: эмфаза, эмфатическая конструкция, стилистический эффект, эмотивно экспрессивная номинация, научный дискурс

Ways of expressing English scientific discourse emphasis

Polonnikova Olga Leonidovna

Donetsk Institute of Railway Transport, Donetsk

Abstract: In the article, a comprehensive approach to the definition of emphasis and emphatic construction is presented. Lexical, morphological and syntactic means of expressing emphasis are analyzed. Stylistic effect of using emphatic constructions in English scientific literature is described.

Keywords: emphasis, emphatic construction, stylistic effect, emotive expressive nomination, scientific discourse

Эмоциональная составляющая имеет большое значение при раскрытии содержания и формы универсальных культурных концептов [6, с. 75]. Именно поэтому для адекватного восприятия любого текста, насыщенного эмотивной лексикой большое значение имеет знание и, как следствие, адекватное восприятие и интерпретация эмотивно окрашенных единиц.

Одним из средств эмоциональной выразительности речи считают эмфазу. Эмфаза – это закономерное явление эмоционально окрашенной речи, которое заключается в выделении определенного элемента высказывания [1, с. 41].

Существует много концепций относительно выражения понятия эмфазы. Например, Б.А. Успенский отмечает, что эмфаза – это способ выделения определенного слова или выражения в высказывании [7, с. 5], в то время как Л.Л. Нелюбин эмфазой называет выделение определенного элемента высказывания с помощью интонации, повторения, синтаксической позиции и тому подобное [4, с. 258]. Подобно Л.Л. Нелюбину, И.С. Шишкина считает, что эмфаза – это выделение какого-либо предмета высказывания [8, с. 55].

Эмоциональная окраска и экспрессивность как устной, так и письменной речи в значительной степени создается с помощью различных эмфатических, грамматических, лексических средств, а иногда теми и другими одновременно [3, с. 86].

Эмотивно экспрессивная номинация является неотъемлемой составляющей научного дискурса в целом и письменного англоязычного научного дискурса в частности. Обычно такой вид номинации рассматривается в аспекте выражения специфического стилистического приема – выражения категоричности, что касается передачи решимости и безусловности [2, с. 208].

Основным источником усиления выразительности текста являются специальные лексические средства, такие как эпитет, метафора, сравнение, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, аллегория и др.

Большие возможности в усилении выразительности речи имеют такие

приемы как анафора, антитеза, градация, инверсия, оксюморон, параллелизм, эллипсис, эпифора. Так, например А.Н. Ильченко называет метафору необходимым орудием мышления, формой мысли, которая в основном используется в поэзии [2, с. 214]. Действительно, употребление метафоры придает научному дискурсу особую выразительность и образность и привлекает внимание адресата.

Эмфатические модели – конструкции, обороты, сочетания лексических и грамматических элементов – воспринимаются в противопоставлении нейтральным. Эмфатические модели могут подчеркнуть не только отдельные члены предложения, но и добавить экспрессивную и эмоциональную окраску предложению вообще [8, с. 61]. Такие эмфатические конструкции следует считать средствами выражения эмфазы.

Эмфатические конструкции можно разделить на лексические, грамматические и графические.

Грамматические эмфатические конструкции – это способы выражения эмфазы, в которых для достижения эмфатического эффекта используются грамматические средства языка. К основным грамматическим конструкциям относятся:

1. инверсия – нарушение обычного фиксированного порядка слов в повествовательном предложении;
2. конструкция с *it* в начале предложения;
3. конструкция, в которой неопределенные местоимения *what, who, whatever, whoever* выступают в роли подлежащего;
4. конструкция с использованием степеней сравнения прилагательных и наречий;
5. отрицательные эмфатические конструкции (созданные отрицательным местоимением наряду с существительным, двумя возражениями, сочетанием частицы *not* с союзом *until*).

Лексические эмфатические конструкции – это выражение эмфазы с помощью лексических средств языка. К лексическим эмфатическим конструкциям обычно относят:

1. конструкцию с усилительным глаголом *do*,
2. конструкции *what a ..., such a..., Neither ... nor, either ... or, so very (much), more ... thanever, too ... toetc*,
3. прием эксплетива – употребление вводных эмфатических слов (языковые единицы типа *indeed, to be sure, without doubt, undoubtedly*),
4. эмфатические повторы.

Считается, что коммуникативный характер категоричности высказывания обусловлен уверенностью автора в правильности собственных взглядов. К тому же, лексические единицы-усилители способствуют интеллектуальной насыщенности текста.

К особому способу создания эмфазы относится графический способ. Эмфатическое выделение с помощью графических средств является эквивалентом специального интонационного оформления высказывания. К графическим средствам, с помощью которых высказывания выделяются

эмфатически, относятся:

1. выделение курсивом (*italics*),
2. подчеркивания,
3. написания большими буквами (*capitalization*),
4. написания через дефис [2, с. 208].

В научном стиле значительно возрастает количество грамматических эмфатических конструкций, что обусловлено нормативным и сдержанным характером текстов. Поэтому эмфатическая составляющая реализуется путем принятия определенных экспрессивных языковых средств, среди которых преобладают грамматические конструкции и риторические фигуры эксплетива. В научных текстах средства эмфазы выполняют этикетную функцию привлечения внимания адресата к важнейшим моментам текста [3, С 88].

Стоит отметить, что средства выражения эмфазы англоязычного научного дискурса варьируют по степени интенсивности.

Так, А.Н. Ильченко [2, с. 208] среди средств выражения эмфазы по степени категоричности выделяет:

1. маркеры категоричности (*surely, certainly, truly, definitely, indeed, evidently, (it is) obvious, evident, there is no doubt, there is every indication that, it is very possible, there is definite possibility that, there is a strong / high probability, in all probability*)
2. маркеры НЕ категоричности (*it is possible / possibly / maybe, perhaps, likely that, it is not impossible, it is not unlikely that, it looks like / as if, supposedly, seemingly, in principle, potentially, it is not very likely, there is little evidence, it is impossible*).

Итак, опираясь на выше сказанное, можно констатировать, что в русских и английских текстах научной литературы широко используются языковые средства выражения эмфазы. Средства выражения эмфазы служат индикаторами выразительности и экспрессивности определенной единицы предложения или текста, а также выражения уверенности говорящего в собственном мнении, что является одной из алломорфных черт научного дискурса.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Системность контекстно-вариантных форм членения текста / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 2005. – 318 с. – (Русский язык: текст как целое и компоненты текста).
2. Ильченко А.Н. Этикет англоязычного научного дискурса / А.Н. Ильченко. – М.: Политехника, 2002. – 288 с.
3. Левицкая Т.Р. Проблемы перевода / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман – М.: Международные отношения, 1975. – 456 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. М.: Флинта, 2003. – 318 с.
5. Сербиновская А.М. Обучение переводу с английского языка на русский: эмфатические конструкции / Александра Михайловна Сербиновская. – Новочеркасск: Изд-во Южно-Российского политехнического университета,

2006. – 157 с.

6. Степанов Ю.С. Концепты / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

7. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Борис Андреевич Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 224 с.

8. Шишкина И. С. Способы выражения эмпазы в английской научной литературе / И. С. Шишкина // Актуальные проблемы лингвистики XXI века. – Киров: Изд-во ВятГГУ. – 2006. – С. 381-383.

УДК 81'373.47

Дата публикации 28.02.2017

Юдина Т.А. Лексикографическое представление концепта «любовь» в русской языковой картине мира

Юдина Татьяна Анатольевна

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается лексическая экспликация концепта «любовь» в словарях различных типов и периодов. Для этого автор использует метод анализа представления леммы «любовь» в словарях.

Ключевые слова: любовь, концепт, лексическое представление, толковый словарь

Lexicographic presentation of the concept "love" in Russian language picture of the world

Yudina Tatiana Anatolievna

Orenburg State Medical University, Orenburg

Abstract: This article discusses the lexical explication of the concept "love" in dictionaries of various types and periods. For this purpose the author uses a method of analysis of the performance of the lexeme "love" in the dictionary.

Keywords: love, concept, lexical representation, dictionary

Любовь представляет собой один из важнейших компонентов духовной культуры, один из ключевых концептов общезыковой картины мира. Несмотря на большое количество философско-этических трудов, в которых описывается чувство любви, не существует единственно верного определения этого феномена человеческой жизни.

Концепт «любовь» занимает важное место в концептосфере русского языка и в русской культуре. Концепты составляют понятийный фонд, из

которого извлекаются мыслительные единицы для осуществления речемыслительной деятельности. Они являются теми единицами, с помощью которых человек создает свое представление о мире; характеризуются определенными свойствами и объединяются в системы. Концепты всегда имеют языковое выражение, хотя концептуальная информация существует в сознании человека в вербальном и невербальном виде. Одним из возможных путей реконструкции концепта как «коллективного достояния русской духовной жизни» [7, с. 57] является анализ узуального значения слова как имени концепта в словарях различных типов. Комплексное исследование лексикографических источников, в роли которых рассматриваются прежде всего толковые словари русского языка, предлагающие правила интерпретации слова и охватывающие как прямые, так и переносные его значения, позволяет получить информацию о концепте как некотором инварианте.

Опора на лексикографическое толкование как на отражение «наивных понятий о вещи» (Р.М. Фрумкина), «наивной картины мира» (Ю.Д. Апресян) представляется вполне обоснованной. Не отражая всего многообразия индивидуальных смыслов слова, сферой существования которых является только текст, словарь фиксирует его значения, но «фиксированные словарем значения образуют островки, между которыми располагаются реальные значения слова в тексте» [2, с. 313].

Цель статьи – рассмотреть лексическую экспликацию концепта «любовь» в словарях различных типов и периодов. Для достижения данной цели мы использовали метод анализа представления лексемы «любовь» (как имени интересующего нас концепта) в словарях.

Анализ словарей показывает, что концепт «любовь» представлен в словарях по-разному. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выделяют следующие значения слова «любовь» [5]: **Любовь** – 1. Привязанность, благосклонность к кому-либо. 2. Склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо. 3. Страсть, влечение к лицу другого пола. 4. Мир, согласие; мирный договор.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлены выражения как книжной, так и разговорной речи, характерные для языка того периода.

«Толковый словарь русского языка» В. И. Даля [1, с. 376] предлагает следующее определение слова «любовь», рассматриваемое в составе словарной статьи глагола «любить»: **Любовь** – состоянье любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположение к чему-либо.

Видим, что в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля на первое место выходит значение ‘состоянье любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность’, которое в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» разделено на два значения, и рассматривается в другой последовательности: ‘состояние любящего, страсть’ было на третьем месте, ‘привязанность, склонность’ – на первом месте. Значение ‘расположенность к чему-либо’, находящееся в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля на последнем месте, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» находилось на втором месте.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [8, с.

104] слово «любовь» определяется следующим образом: **Любовь** – 1. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. Например, любовь к родине. // Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. Например, братская любовь. // Такое же чувство, основанное на инстинкте. Например, материнская любовь. 2. Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Например, несчастная любовь, счастливая любовь. 3. перен. Человек, внушающий это чувство. Например, она была моей первой любовью. 4. Склонности, расположение или влечение к чему-либо. Например, любовь к искусству.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова выделяет схожие значения, но меняется их приоритет и добавляется слово «чувство» к характеристике значения (в предыдущем словаре речь шла только о состоянии). Как и в предыдущих словарях, первым значением является ‘чувство привязанности, основанное на общности интересов, на готовности отдать общие силы общему делу’. Вторым значением является значение ‘чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством’, которое в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» было на предпоследнем месте и в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля – на первом месте. Значение ‘склонности, расположение или влечение к чему-либо’, бывшее в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» на втором месте, в данном словаре уходит на последнее место и добавляется переносное значение данного концепта – ‘человек, внушающий это чувство’.

В «Словаре современного русского литературного языка» слово «любовь» имеет три значения [6, с. 434 – 435]: **Любовь** – 1. Чувство глубокой привязанности, преданности кому-либо, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т.п. || Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т.п. 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. 3. Внутренне влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо. || пристрастие в чему-либо; предпочтение чего-либо. || с отвлеч. сущ. Сильное стремление к чему-либо.

В «Словаре современного русского литературного языка» выделенные значения повторяют определения и порядок предыдущего словаря (с некоторыми уточнениями в толкованиях), за исключением переносного значения, которое в этом словаре отсутствует.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой представлено пять значений слова «любовь» [3, с. 336]: **Любовь** – 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. 4. Предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение). 5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь.

Отметим, что в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой на первое место выходит значение ‘сильное сердечное чувство’,

которое было в предыдущих словарях на втором и третьем местах, на второе – ‘чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности’, бывшее во всех словарях, кроме «Толкового словаря русского языка» В.И. Даля, на первом месте, на третьем – ‘постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь’, которое было в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» на втором месте, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова – на четвертом месте и в «Словаре современного русского литературного языка» – на третьем. Также рассматривается значение ‘предмет любви’, которое было лишь в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова как переносное значение и ‘пристрастие, вкус’, рассматриваемое в «Словаре современного русского литературного языка» как дополнительное в составе значения ‘внутренне влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо’.

Для того чтобы рассмотреть современное восприятие слова «любовь», мы обратимся к «Словарю русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой. В данном словаре выделяют следующие значения слова «любовь» [4, с. 209]: **Любовь** – 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо. || Чувство расположения, симпатии к кому-либо. 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. || О человеке, внушающем такое чувство. || Любовные отношения. 3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо. || Пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо.

Анализируя материалы словарей, мы приходим к выводу, что основные лексикографические источники XX в. дают более схожее определение значений слова «любовь». Все словари сходятся в том, что в качестве ведущего значения выделяют ‘чувство глубокой привязанности’. В «Словаре современного русского литературного языка» и в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой схожи первое и третье значения данного концепта. Но словарь под редакцией А.П. Евгеньевой помимо этого еще и персонифицирует любовь, а также проводит параллель с названием любовных отношений в целом.

Чтобы рассмотреть концепт «любовь» с исторической точки зрения, обратимся к «Историко-этимологическом словаре современного русского языка», в котором слово «любить» имеет два значения [9]: **Любить** – 1. Переживать влечение, сильное тяготение, непреодолимую привязанность к кому-либо; 2. Иметь склонность, пристрастие к чему-либо. Здесь же автор рассматривает слово «любовь» и приводит примеры из других языков. Ср. украинское *любити*, (но в 1 значении – *кохати*); *любов*; болгарское *любѣць* (но в 1 значении – *кахаць*); *любоў*; хорватское *Љубити*, 1 ед. *љубим* – целовать, совр. – *вољети*; *Љубав*; чешское *Libitise* – нравиться, устар. *Libiti* – благоволять (ст.-чеш. *L'ubiti* – любить; совр. *Milovati*); польское *Lubić* – любить, симпатизировать (о влюбленных – *kochać, Milować*); древнерусское (с XI в.) *любити*, 1 ед. *люблю* – любить (но не в 1 значении), предпочитать, любоваться, целовать; *любы*, род. *Любѣв: любѣви* – любовь (например, к ближнему), привязанность, милость.

В данном словаре представлены основные примеры из родственных

славянских языков. В них мы можем видеть схожий корень, но есть и большие семантические различия. Так, во многих языках однокоренное слово чаще выступает во втором русском значении: 'иметь склонность, пристрастие к чему-либо'. А слова, обозначающие «любовь» в значении 'сильное тяготение, привязанность', чаще имеет другой корень.

Таким образом, словари дают толкования, позволяющие нам сделать вывод, что *любовь* – это чувство, отношение, действие в широком смысле слова; у него есть субъект и объект; есть начало, развитие и конец; характеризуется перенесением акцента с мыслей (головы) на чувства (сердце). Это чувство может быть вызвано кем-то непроизвольно или намеренно. В перспективе выявленный в результате анализа лексикографических материалов набор лексем, выполняющих при толковании значений слов *любовь/любить* роль семантических компонентов, может рассматриваться как ядерная зона узувального семантического поля «Любовь».

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.
2. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова. М., 2001.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
5. Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Издательство «Наука», 1977.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Изд-во академии наук СССР, 1954.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-139

Дата публикации 10.02.2017

Землякова Е.А. Пейзажные единицы в сравнительно-сопоставительной лингвокраеведческой модели

Землякова Евгения Андреевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород

Аннотация: В статье рассматриваются англоязычные сравнительно-сопоставительные лингвомодели городов на основе подходов лингвокраеведения. Выявлены сходства и различия в географии, истории и литературе между городами Старый Оскол (РФ) и Питтсбург (США).

Ключевые слова: лингвокраеведение, сравнительно-сопоставительная лингвомодель, лингвокультурология

Language landscape units in complex comparative lingvomodel

Zemlyakova Evgeniya Andreevna

Belgorod National Research University, Belgorod

Abstract: The article deals with English comparative lingvomodels of two cities, based on local history-oriented linguistics. We found out geographic, historic, and literature differences and common features between the cities Sary Oskol (the RF) and Pittsburgh (the USA).

Keywords: local history-oriented linguistics, comparative lingvomodel, cultural linguistics

В настоящее время является актуальным изучение региональной географии, истории и литературы в разрезе лингвистики.

На наш взгляд, представляется важным составление сравнительно-сопоставительных лингвомodelей городов на основе подходов лингвокраеведения. Данные модели помогают студентам и школьникам лучше изучить лингвокультурологические и лингвокраеведческие особенности городов, расширить свои знания о русской и зарубежной культуре, проследить её изменения.

Под сравнительно-сопоставительной лингвомodelью мы понимаем исследовательский конструкт, репрезентирующий сходства и различия между

лингвокраеведческими объектами двух и более стран, построенный в результате анализа лингвистического материала.

Внимательное изучение населенного пункта в соотношении с историей заселения, местными культурными традициями может дать богатую информацию лингвокраеведческого характера [8, с. 80].

Формирование региональных систем антропонимов во многом зависит от экстралингвистических факторов – исторических, социальных, культурных (работы Т.В. Бахваловой 1972, Е.Н. Поляковой 2002, Н.С. Дьяковой 2007 и др.). Региональный подход позволяет изучать языковые факты, распространенные на определенной территории, в их взаимодействии, в системе [3, с. 7].

Лингвистическое краеведение позволяет глубоко познать материальную и духовную культуру своего народа через ее первоэлемент – язык. Лингвокраеведение – это знакомство с историей, культурой, особенностями природного ландшафта региона в процессе изучения иностранного языка с целью формирования лингвокраеведческой компетенции. [6, с. 128].

Таким образом, предметная область данного научного направления, формирующегося на базе истории, географии, лингвистики, культурологии, этнологии, социологии, состоит в изучении вариаций в языке, обусловленных этнической картиной региона, территориальными особенностями языка. [4, с. 69].

Пейзаж занимает одно из важных мест в структуре художественного текста. Описание природы в художественном тексте обусловлено авторским видением картины мира, а также национальной культурой [9, с. 121]. Пейзаж передает читателю новую информацию, поэтому мы можем репрезентировать пейзаж как текстовую единицу. Пейзажная картина мира обнаруживается в народном творчестве, в обыденных знаниях в художественном и фольклорном текстах [2, с. 108].

Пейзаж в художественных произведениях исследуют многие отечественные и иностранные литературоведы. Б. Е. Галанов рассуждает о пейзаже как о «изображении природы, обозначающем время и место действия в произведении и создающем определенное настроение» [1, с. 185]. По мнению В. Н. Стасевич, пейзаж – это «преобразование действительности, для создания которой реальный мир является необходимым стимулом и неиссякаемой кладовой» [5, с. 108]. В. Е. Хализев определяет формы присутствия природы в литературном произведении следующим образом: «Это и мифологические воплощения ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения... и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи (фр. pays – страна, местность) – описания широких природных пространств» [7, с. 225].

Приведём англоязычную сравнительно-сопоставительную лингвомодель городов на основе подходов географического лингвокраеведения.

Stary Oskol and Pittsburgh have next geographical common features:

1. Cities located at the areas of the rivers. Stary Oskol located at the area of Oskol River. Pittsburgh located at the area of Allegheny and Monongahela rivers, which form the Ohio River.

2. Pittsburgh has a total area of 151 km², Stary Oskol has a total area of 134 km².

3. Pittsburgh locates on the Allegheny Plateau, within the ecoregion of the Western Allegheny Plateau. Stary Oskol locates on the Central Russian upland.

4. The population of cities is about 250 000 people.

5. Many Pittsburgh neighborhoods are steeply sloped with two-lane roads. More than a quarter of neighborhood names make reference to such oronyms as “hills,” “heights”. Stary Oskol also locates on hills.

6. Both cities includes southern, western, eastern and northern areas.

The geographical difference between the cities is that Pittsburgh falls within the borders of the Northeastern United States. Pittsburgh falls within the borders of Appalachia as defined by the Appalachian Regional Commission and has long been characterized as the “northern urban industrial anchor of Appalachia.” Stary Oskol locates in the south-east of the Russian Federation.

Далее приведём англоязычную сравнительно-сопоставительную лингвомодель городов на основе подходов исторического лингвокраеведения.

Stary Oskol and Pittsburgh have next historical common features:

1. Pittsburgh is known as both “the Steel City” for its more than 300 steel-related businesses. In Stary Oskol there are also many steel-related businesses.

2. The War of 1812 cut off the supply of British goods, stimulating American industry. By 1815, Pittsburgh was producing significant quantities of iron, brass, tin, and glass. During World War II, demand increased and area mills operated 24 hours a day to produce 95 million tons of steel for the war effort. The industry of Stary Oskol also raised after war.

3. The Great Fire of Pittsburgh destroyed over a thousand buildings in 1845. The city rebuilt with the aid of Irish immigrants and by 1857. Coal mining and iron manufacturing attracted waves of European immigrants to the area. The Great Fire destroyed Stary Oskol in 1617. The city rebuilt in 1642.

4. There is the highest levels of air pollution because of the industry.

The historical difference between the cities is that Pittsburgh was named in 1758 by General John Forbes, in honor of British statesman William Pitt, 1st Earl of Chatham. Stary Oskol was named in honor of Oskol River.

Рассмотрим англоязычную сравнительно-сопоставительную лингвомодель писателей на основе подходов литературного лингвокраеведения.

1. F.I. Nasedkin was born in 1909. He was a writer. David Gaub McCullough was born in 1933. He is an American author, narrator, historian, and lecturer.

2. F.I. Nasedkin was a State Prize laureate. The winner of the Lenin Komsomol Prize. He was awarded with two Orders of Red Banner of Labor, the Order of Friendship. McCullough is a two-time winner of the Pulitzer Prize and the National Book Award and a recipient of the Presidential Medal of Freedom, the United States’ highest civilian award.

3. F.I. Nasedkin was born in Znamenka village of Stary Oskol district. David Gaub McCullough was born and raised in Pittsburgh.

4. F.I. Nasedkin graduated from the literary-linguistic department of the Voronezh Pedagogical Institute. McCullough earned a degree in English literature from Yale University.

5. Both authors wrote historical novels.

В результате составления сравнительно-сопоставительных лингвомоделей городов на основе подходов лингвокраеведения, мы выяснили, что несмотря на расположение городов в разных странах, между ними существует большое количество общих черт в географическом, историческом и литературном плане.

Библиографический список

1. Галанов Б. Е. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь. – Москва: Советский писатель, 1974. – 343 с.
2. Землякова Е.А. Анализ пейзажных единиц в художественном тексте (на материале произведения А.К. Дойля «Собака Баскервилей») // Актуальные проблемы науки XXI века: IV международная научно-практическая конференция, 21 ноября 2015. Ч. 2. С-П. : Международная исследовательская организация "Cognitio". - 2015. – С. 106-110.
3. Климкова Л.А. Региональная ономастика. - Горький, 1987.
4. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к лингворегионоведению // Интеграция образования. - 2010. - №3. – с. 66-72. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-podhod-k-lingvoregionovedeniyu> (дата обращения: 31.01.2017).
5. Стасевич В. Н. Пейзаж. Картина и действительность // Москва: Просвещение, 1978. – 157 с.
6. Разливанова И.С. Краеведение как объект иноязычного лексикографирования // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2009. - №7. - с. 125-129. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kraevedenie-kak-obekt-inoyazychnogo-leksikografirovaniya> (дата обращения: 31.01.2017).
7. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2004. – 405 с.
8. Шейдаева С.Г. Лингвистический аспект исследования истории и культуры региона // Филологический класс. - 2012. - №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya-istorii-i-kultury-regiona> (дата обращения: 31.01.2017).
9. Шестеркина Н. В., Белоусова Е. Комплексный пейзаж российской деревенской окрестности в зеркале перевода: на материале перевода романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на немецкий язык // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Воронеж, 2014. – С. 121-130.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 82-144, 821.112.2

Дата публикации 28.02.2017

Vorontsova I.N. Genre der Ballade in der deutschen Literatur (an dem Beispiel „Hauspostille“ von B. Brecht)

Vorontsova Inna Nikolaevna

Fernöstliche Staatliche Universität für Transportwesen, Chabarovsk

Аннотация: Der Artikel offenbart die Definition der Ballade, dabei wird ihre historische Entwicklung in Deutschland Ende des 18. Jahrhunderts und dem ersten Viertel des 19. Jahrhunderts vom trivialen Bänkelsang bis zu klassischen Balladen von Goethe und politisch-sozialen Balladen von Brecht beschrieben. Auf der Grundlage der linguistilstischen Interpretation einer der vielen Balladen in der „Hauspostille“ von B. Brecht wird festgestellt, dass die Ballade ein synthetisierendes Genre darstellt, das in sich harmonisch Lyrisches, Episches und Dramatisches vereinigt.

Ключевые слова: Ballade, Bänkelsang, Moritat, Volkstümlichkeit, klassische Ballade, politisch-soziale Ballade, lyrisches Subjekt, Verfremdungseffekt

The genre of the ballad in German literature (based on the work "Home instructive reading" of B. Brecht)

Vorontsova Inna Nikolaevna

Far Eastern State Transportation University, Khabarovsk

Abstract: The Article reveals the content of the concept of the ballad, tracing its historical development in Germany at the end of eighteenth century and the first quarter of the XIX century from the songs of street singers to classic ballads of Goethe and political-social ballads Brecht. Based on the analysis of linguo-stylistic interpretation of specific works of B. Brecht "Home instructive reading" is determined that the genre of the ballad is a harmonious synthesis of lyrical, epic and dramatic parts.

Keywords: ballad, song of street singers, street ballad, folk, classical ballad, political-social ballad, antisocial characters, lyrical character, the alienation effect

Als Ballade (von ital. balada = Tanzlied) wird ursprünglich ein in den romanischen Ländern von den Tanzenden gesungenes, kurzes und strophisches Tanzlied mit Kehrreim bezeichnet. Die ursprüngliche Form wurde von den Troubadours weiterentwickelt (Wilpert, 1989:73). Im 14.-15. Jahrhundert erhielt die Ballade in Frankreich als ein weitverbreitetes Genre eine strenge lyrische Form: meist 3 Strophen zu 8-10 Verszeilen.

In England übertrug man im 18. Jahrhundert den Liedbegriff Ballade auf volksmäßige und besonders leicht singbare Erzähllieder, die unter Benutzung der dramatisch wirkenden Dialogform ein auffallendes Ereignis, oft eine Heldentat, episch erzählten und zugleich in lyrischer Stimmung lösten. J.W. Goethe schrieb, dass drei Elemente des Lyrischen, Epischen und Dramatischen in der Ballade „wie in einem lebendigen Ur-Ei“ verflochten sind (Gysi, 1958: 307-308).

Um 1770 wurde die Ballade in Deutschland heimisch und bezeichnet hier ebenfalls ein zwischen den drei Grundgattungen stehendes Genre, das ein ungewöhnliches, handlungsreiches und meist tragisches Geschehen aus Geschichte, Sage oder Mythos unmittelbar gegenwärtig darstellt. Dabei ruft die Ballade – durch die Betonung des Erzählten, durch eine andeutende Erzählweise, durch Ausrufe und Kehrreim sowie Melodie unterstützt – eine lyrische Stimmung hervor. Die eigentliche Handlung bietet den Anlass zu einem Stimmungsbild, so ist der Übergang zur Lyrik geschaffen. Die betonte Volkstümlichkeit der Ballade, die undifferenzierte Verherrlichung heroischen und edlen Menschentums, die oft triviale Schicksalsvorstellung und die effektbewußte Geister- und Schauerromantik sind der Wertschätzung der traditionellen Ballade zeitweilig abträglich gewesen und haben sie auf den Rang einer nur noch historisch verständlichen Dichtform hinabgedrückt, die weder den ästhetischen Anforderungen, noch der differenzierten Bewusstseinslage der Gegenwart entspricht. Doch wirkten ihre Buntheit, Abenteuerhaftigkeit, Spannung und ihre Gestaltung der Naturkräfte unvermittelt auf das einfache Volk und ihr volkstümlicher Gemütsappell machte sie zum geeigneten Mittel der politisch-sozialen Beeinflussung.

Die Ballade hat im Schaffen von Goethe und Schiller ihre weitere Entwicklung gefunden. Ihre ethisch begründeten Ideenballaden sind eigentlich kleine epische Gedichte, die sich in Form und Inhalt nur schwer dem Genre unterordnen. Auch beim späten Goethe tritt das Ideenhafte stärker hervor („Die Braut von Korinth“, „Der Schatzgräber“).

Aber zuerst wäre es richtiger zu präzisieren, welche Rolle in der Entwicklung der Ballade Gottfried August Bürger spielte. Weil die klassische Ballade von Goethe und Schiller für lange Zeit die weitere Entwicklung der Balladendichtung bestimmte – und nicht immer zum Wohl dieser Gattung.

Es ist dem heutigen Leser meist nicht mehr deutlich, in welchen Regionen die deutsche Kunstballade geboren wurde und aus welchen Niederungen sie sich emporringen musste. Es ist erstaunlich, zu hören, dass Bürgers Balladendichtung ihren Ausgang vom trivialen Bänkelsang genommen hat.

Bürger knüpfte unter anderen an die volkstümlichen Lieder der Bänkelsänger an. Gleichzeitig nahm er sich die altenglische und ältere deutsche Volksballade zum Vorbild. Aus ihnen entwickelte er den eindrucksvollen dramatisch-epischen Charakter seiner volkstümlichen Balladen. Bürger erst verschaffte der Ballade einen Platz in der Reihe der großen Dichtungsgattungen. Er gab den Ton an, und viele folgten ihm; denn er war einer der größten Meister der Balladendichtung. Kein Balladendichter nach ihm – von Goethe und Schiller bis Bertolt Brecht – konnte sich seinem Einfluss entziehen.

Auf der Suche nach einer verwandten Gattung in der deutschen Dichtung stieß

Bürger auf eine Gassenhauer und Bänkelsängerlieder, wie sie auf Jahrmärkten und Messen zu hören waren, und suchte von diesen niedrig komischen Machwerken seinen Versen das Gepräge der Volkstümlichkeit zu verleihen. Die Urform der Bänkelliedballade oder Moritat ist die „Neue Zeitung“ des 15. und 16. Jahrhunderts. Die Kolporteure derselben, „Avisensänger“ und „Zeitungssinger“ genannt, priesen auf den Jahrmärkten von einem Bänkellied herab ihre meist mit einem drastischen Titelholzschnitt geschmückten Balladendrucke an. Diesen oft sehr umfangreichen Balladen lagen aktuelle Geschehnisse von weittragender Bedeutung, Naturkatastrophen, Kriege, Morde, aber ferner merkwürdige Begebenheiten, die Anlass zu moralischen Unterweisungen religiöser Art bieten konnten, zugrunde. Die Dichter waren oft Geistliche, und man verwendete vielfach Chormelodien.

Mit dem Aufkommen der eigentlichen modernen Presse emanzipierte sich die Form, die bisher nur als Reklame für die verkaufenden Zeitungsdrucke galt. Der Bänkelsänger bediente sich zur Interpretation seiner Ballade der Leinwandtafeln und eines seinen Gesang begleitenden Musikinstrumentes“ (Kramer). Nun löste sich auch der Bänkelsang aus der religiösen Sphäre.

Solche Verbindung der Literatur mit dem Bänkelsang ist das Niveau der episch-lyrischen Dichtung jener Zeit tief herabzudrücken. Dafür dient seine Ballade „Lenore“ als ein guter Beweis. Es ist ihm gelungen, die Volksdichtung mit dem Protest gegen die Kriegspolitik der deutschen Machthaber zu verbinden und dadurch den Traditionen der Volksdichtung eine lebendige aktuelle Bedeutung zu geben. Man muss betonen, dass diese politische Aktualität in volkstümlich-satirischer Form neu und unerhört war und von den Gleichgesinnten mit Begeisterung begrüßt wurde, von H. Heine bis B. Brecht. Nämlich Brecht setzte im 20. Jahrhundert die Traditionen von Bürger in seinen politisch-sozialen Balladen (z.B. „Von der Kindesmörderin Marie Farrar“ in der „Hauspostille“). Er auch knüpfte an die Form des Bänkelliedes an und nutzte die verfremdende Wirkung des Bänkeltens. In seiner Nachfolge stehen die Balladen von W. Biermann, P. Huchel, G. Kunert, Ch. Reinig u.a.

Die asozialen Balladenhelden Brechts, die der bürgerlichen Gesellschaft den Rücken gekehrt haben, lassen sich in die bürgerliche Formentradition nicht mehr einordnen. Er versucht „jene Formen der alten Volksballade, die zur Erstarrung der Adelsballade geführt hatten, aus dieser Erstarrung zu befreien und mit neuem Volksblut zu füllen... Einerseits entstehen Moritaten und Bänkelsänge, die in überkommenen Formen Exzesse des bürgerlichen Lebens zynisch-brutal herunterleiern und eben durch den Zynismus entleerter Gemüts- und Prunkstrophen Platz schaffen für neue echte Gehalte zu den leeren Formhülsen. Andererseits rückt bereits positiv die neue körperliche Heroentat des Abenteurers in die alte Balladenstrophe ein“ (Rockenbach 1929:49).

Auf solche Weise ist nicht das individuelle Schicksal einzelner Namen bedeutungswert, sondern die Naturgewalt, die in diesen Schicksalen herrscht. Das Erlebniszentrum ist nicht im persönlichen Menschentum, sondern „der Überschwang maßloser Naturanbetung im Schicksal und in dem Taten und tödlichen Abgängen der Namenlosen“ (Rockenbach 1929:49). Mehrmals betonte Brecht, dass das Buch wirklich ein Volksbuch im tiefen Sinne des Wortes ist. Seine frischen Lieder sind auf das Volk ausgerichtet.

Der Augsburger Balladenschreiber kehrt zu den Ursprüngen zurück. Ihn faszinieren Kraft und Urwüchsigkeit der alten deutschen Volksballade. „Wir befinden uns jetzt nicht mehr auf Schlössern und Burgen unter Rittern und Adeligen, sondern im Wirtshaus, auf der Landstraße, bei den niederen Schichten... Schreiber, Handwerker und Bauer sind die Helden...“ (Kayser 1936:48). Er wollte durch den Vortrag der Volksballaden das Publikum unterhalten und erziehen. Düsteres, wunderbares und nicht einmal gar entsetzliches Geschehen wird in seinen Balladen berichtet.

Als Neuer tritt B.Brecht in seinem Werk „Die Hauspostille“, das im Jahre 1927 herausgegeben wurde. Er will ein wirkliches Volksbuch schaffen und setzt sich zum Ziel, eine verkehrte Welt zu zeigen. Die grausame Wirklichkeit des Lebens ist in einigen Balladen aus der ersten Lektion „Bittgänge“ ganz deutlich dargestellt: ein Sohn ermordet seine Eltern („Apfelböck oder die Lilie auf dem Felde“), eine junge Mutter – ihr eigenes Kind („Von der Kindesmörderin Marie Farrar“), ein asozialer Typ verunglimpft alles, was seine Hände berühren. Dabei wird berücksichtigt, dass alle diesen Sujetlinien aus dem realen Leben genommen waren, darum sind sie in der Form der alten Ballade geschrieben und haben typische Merkmale dieses Genres. Aber in allen Balladen ist die mitfühlende Stimme des lyrischen Subjekts deutlich, die uns um Erbarmen bittet. Denn nämlich unsere verkehrte Gesellschaft hat diese Randfiguren gezeugt, darum muss sie für sie die Verantwortung übernehmen. Ja, sie sind asozial, aber in einer asozialen Welt.

Die moderne Ballade orientiert sich an den neuen Formen der Trivialliteratur und ersetzt das einmalige heroisch-mythische Ereignis durch betont allgemeinmenschliche, unheroische Alltagsstoffe, die menschliche Grundbefindlichkeiten aufzeigen. In ihrer Groteskform wird sie mit volkstümlicher Unverfrorenheit konfrontiert und mit sozialem Engagement schockiert und attackiert.

Die Ballade stellt ein synthetisierendes Genre dar. Sie vereinigt in sich harmonisch Lyrisches, Episches und Dramatisches. Der Ballade liegt im Allgemeinen eine Geschichte zugrunde. Die Geschichte wird aus der subjektiven Sicht des Autors erzählt, dabei nimmt der Dichter eine stark lyrisch geprägte Haltung ein. Deswegen ist das stimmungshaft-emotionale Element in der Ballade stark ausgeprägt. Und oft tritt es in den Vordergrund und als erste, was dem Leser auffällt. Für die Ballade ist charakteristisch, dass im Mittelpunkt des Geschehenen die dramatische Auseinandersetzung steht. Die Handlung realisiert sich häufig in eindrucksvollen Dialogen (wie z.B. in „Apfelböck oder Die Lilie auf dem Felde“ von B.Brecht).

Auch epische Partien sind vorhanden: der Autor führt Personen, zeitliche und örtliche Umstände (Exposition) ein, unterbricht die Geschichte mit Kommentaren, Wertungen oder sogar Sprüchen aus der Bibel (wie z.B. in „Von der Kindesmörderin Marie Farrar“), greift zurück oder schaut als epischer Dichter voraus.

Die lyrische Wirkung wird durch die Balladenform hervorgerufen: klar gegliedert in Strophen, stark rhythmisiert, klanglich betont, emotional gefärbt. Die subjektive Vortragsweise, welche die objektiven Zusammenhänge der Wirklichkeit deutet, poetisch verallgemeinert, hebt die lyrische Seite der Ballade noch mehr hervor.

Hier ist die Analyse einer von Brechts Balladen „Apfelböck oder Die Lilie auf

dem Felde“ aus der ersten Lektion der Hauspostille angegeben.

Das Thema wäre: Elternmord

Die Idee wäre: die asoziale Gesellschaft vergiftet Menschen, indem ein Mensch (sogar ein Kind) fähig werden kann, asozial zu sein, und einen Mord an seinen Eltern zu begehen.

Schon am Anfang der Ballade (seit den ersten Zeilen) beginnt die epische Partie. Wir können sehr deutlich eine epische Intonation spüren. Dazu dienen folgende Zeichen der Zeit:

- Die Wendung „In mildem Lichte“, die während der ganzen Ballade wiederholt ist, und das Adverbiale der Zeit bezeichnet. Auf solche Weise betrachten wir die Entwicklung der Handlungen in der Zeit. Alles, was nur passieren kann, geht fort. Die Ewigkeit des Lebens weiß keine Grenzen. In der Außenwelt herrscht die Ruhe und Unwandelkeit.
- In den nächsten Strophen erscheinen zahlreiche Verben im Präteritum *erschlug, blieb, ging, saß, war, rochen* ;
- Temporalkonjunktion „als“ ... *Und als die Leichen rochen aus dem Spind...*
- Der 2-füssige Jambus tritt als ein Merkmal des Epischen auf (*Im milden Lichte Jakob Apfelböck*) -i-ä-i-ä-i

Auf den ersten Blick scheint dieses Gedicht einfach und kindlich zu sein. Als gute Beweise der einfachen Form und Verständlichkeit treten auf:

- die umgangssprachliche Formen der Wörter *hin, drin*;
- Kreuzreime, in denen die ganze Ballade geschrieben ist;
- Sogar dieser seltsame Name *Apfelböck*, der fast in jeder Strophe wiederholt wird.

Der gleichgültige Zustand der Natur wird dem inneren Zustand von Apfelböck gegenübergestellt.

*Es schwammen Wolken unterm Himmel hin
Und um sein Haus ging mild der Sommerwind
Die Tage gingen und die Nacht ging auch.
Und nichts war anders außer mancherlei...*

Vor unseren Augen erscheint ein ganz ruhiges Bild. Alles in der Welt scheint in Ordnung zu sein. Aber doch etwas ist geschehen. Ein Junge, sogar ein Kind hat seine eigenen Eltern erschlagen und dann in den Wäscheschrank versteckt. Er ist ganz allein: hilflos und verloren. Aber seine Tat brachte ihm keine Erlösung, sondern innere Unruhe und Qual.

Da weinte Jakob und ward krank davon...

Das richtige Drama eines kleinen Jungen hat schon begonnen. Er hat seine Eltern gemordet und das war der Ausdruck seiner kranken Seele. Die dramatische Partie findet ihren Ausdruck:

- Im Konflikt zwischen Jakob Apfelböck und der Gesellschaft;
- Formal in der Rede der Protagonisten, in unserem Fall sind es die Fragen des Zeitungsmannes

*Es sprach der Zeitungsmann, der täglich kam:
Was riecht hier so? Ich rieche doch Gestank.*

und der Milchfrau.

Es sprach die Milchfrau, die täglich kam:

Was riecht hier so? Es riecht, als wenn man stirbt!

Wie es bekannt ist, war die Vereinigung des gehobenen und umgangssprachlichen Stils für die alte Volksdichtung charakteristisch. Durch den Gebrauch der veralteten gehobenen Form des Verbes *ward* und Adverbs *einstens* wird die Wichtigkeit dieses Geschehens für Jakob ausgedrückt.

Das lyrische Subjekt betont das Mitgefühl in Bezug auf dieses „arme Kind“. Bemerkenswert ist die Rolle des einzigen Epithetons. Dabei wird berücksichtigt, dass dieses Epitheton *arm* gleichzeitig sowohl Apfelböck selbst als auch seine Eltern charakterisiert. Deswegen erfüllt es nicht nur eine große stilistische Rolle, sondern auch weist darauf hin, dass Apfelböck ein Opfer des gesellschaftlichen Einflusses ist. Er ist nicht schuldig an dem Mord seiner Eltern. Aber seine Eltern sind auch unschuldig.

Schon im Titel offenbart sich die ganze Wahrheit. Die „Lilie auf dem Felde“ ist eines der zentralen Motive der alten Volksdichtung. Sie (Lilie) ist ursprünglich das Symbol der Unschuld. Bereits im Titel der Ballade tritt das Spannungsverhältnis (Apfelböck – Lilie) von dem die Ballade getragen wird, zutage. Das Kind ist rein und naiv von dem Moment seiner Geburt. Das Feld, eine Metapher, das um ihn herum, erregt ihn zu diesen schrecklichen Taten. Diese verkehrte Welt, in der er lebt, provoziert ihn, seine Eltern zu töten. Und er hat das gemacht. Jetzt spürt er etwas Leeres in sich, als ob er etwas für sich sehr Bedeutsames verloren hat. Darum versteht er nicht, was er weiter machen soll. Aber das Leben, unbeugsam und gewaltig, geht fort. Die Milchfrau bringt wie gewöhnlich- jeden Morgen- die Milch ins Haus;

Gerahmte Buttermilch, süß, fett und kühl

der Zeitungsmann bringt die Zeitungen.

Mit schweren Tritt ins Haus beim Abendlicht...

Aber die Milch bleibt nicht getrunken und die Zeitungen bleiben nicht gelesen.

Bemerkenswert sind hier parallele Handlungen – syntaktische Parallelismen, die das Lyrische widerspiegeln: zuerst bei der Beschreibung der gleichgültigen Natur (*Es schwammen Wolken.../Die Tage gingen...*), dann bei dem Antritt der Milchfrau und noch später des Zeitungsmannes (*Es bringt die Milchfrau.../Es bringt der Zeitungsmann.../Es sprach der Zeitungsmann.../Es sprach die Milchfrau...*), bei der Handlungen Jakob selbst (*Erschlug.../Und schloß...ein/Und blieb...*). Und diese Spiegelparallelismen tragen einen bestimmten Sinn. Mit ihrer Hilfe wird eine gewisse Dynamik, ein Rhythmus geschaffen. Aber wir wissen Bescheid davon, dass der Rhythmus das Element der Lyrik ist. Auf solche Weise erscheint eine besondere lyrische Stimmung, Stimmung des Mitgefühls.

Überhaupt hatte B.Brecht anaphorische Wendungen und Parallelismen gern, die auf die Tradition der Volksballade weisen. Dadurch wird die lyrische Gestalt bestimmt. Und diese allgemeine Metapher – die Lilie – Symbol der Unschuld – offenbart sich eben in der mitfühlenden Stimme des lyrischen Subjekts.

Im zweiten Teil der Ballade ist die direkte Rede von Apfelböck eingeschlossen. Auf die Frage, warum er so getan hat: ... *Sprach Jakob Apfelböck:*

Ich weiß nicht...

Natürlich ist er asozial, indem er einen Mord begangen hat, aber in einer asozialen Welt. Das lyrische Subjekt bemitleidet ihn. Er wurde in einer verkehrten Welt erzogen. In dieser Ballade betont Brecht, dass man realistisch denken muss, nicht die Welt durch die rosa Brille sehen.

Die Losung in seinem epischen Theater bestätigt diese Worte – „glotzt nicht so romantisch“. Sie hat er an die Zuschauer des 20. Jahrhunderts gewandt. Er klopfte an die Vernunft der Menschen.

Fast alle seine Geschichten hat er aus den Zeitungsartikeln genommen. Diese realen Ereignisse sind so aktuell, sie erregen uns immer. Der Konflikt der Eltern und Kinder steht auf der Tagesordnung. Er ist aus dem realen Leben gegriffen. Bei B.Brecht findet er seinen Ausdruck durch seine eigene Interpretation. Apfelböck ist unschuldig, darum rechtfertigt ihn das lyrische Subjekt. Wir können es entweder annehmen oder nicht, aber die Frage, die die Eltern nie von ihren Kindern erwarten wollten, die letzte rhetorische Frage bleibt ohne Antwort und steigert die Spannung

ob Jakob Apfelböck wohl einmal noch

Zum Grabe seiner armen Eltern geht?

Zum Schluss kann man sagen, dass die Hauptidee ihren Ausdruck durch die Mittel der Bildlichkeit: Metapher, bildliche Epitheta, Gegenüberstellung, Symbol und der Bildhaftigkeit: syntaktische Parallelismen, anaphorische Wiederholungen, rhetorische Frage findet.

Библиографический список

1. Borneman, Ernest: Ein Epitaph für Bertolt Brecht, in: Sinn und Form, Beiträge zur Literatur, Zweites Sonderheft Bertolt Brecht, Berlin.
2. Brecht, Bertolt (1927): Die Hauspostille, Berlin.
3. Brecht, Bertolt (1997): Gedichte I. Sammlungen, Band 3, Frankfurt-am-Main.
4. Fomin W.; Kulpina L.; Saweljew G.; Schtscherbina S., (1997): Die linguostilistische Textinterpretation des Wortkunstwerkes, Chabarovsk.
5. Gysi, Klaus (1958): in: Sturm und Drang, Berlin, S. 307-308.
6. Kayser, Wolfgang (1936): Geschichte der deutschen Ballade, Berlin, S.48.
7. Rockenbach, Martin (1929): Von der Ballade der Gegenwart, in Oplid (Augsburg), 9./10.1. 1929, S.49.
8. Stein, Ernst: Bürgers Balladendichtung (Bisher unveröffentlicht).
9. Gero von Wilpert, Sachwörterbuch der Literatur, Stuttgart: Kroner, 1989.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.15

Дата публикации 03.02.2017

Магомедов Г.А. Дагестанская социальная реклама как форма противодействия терроризму

Магомедов Гамид Абдуллаевич

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Аннотация: Статья посвящена проблеме эффективности воздействия на получателя информации социальных рекламных роликов. Значимость поднятой темы определяется актуальностью роликов антитеррористической направленности. В тексте приведены примеры из практики использования таких роликов в дагестанских СМИ.

Ключевые слова: реклама, терроризм, контент, журналистика, ролик, эффективность

Dagestani social advertising as a form of counter-terrorism

Magomedov Gamid Abdullaevich

Dagestan State University, Makhachkala

Abstract: The article discusses the use of social advertising anti-terrorism rhetoric. The text gives examples of the practice of using such media clips in Dagestan.

Keywords: advertising, terrorism, content, journalism, video, efficiency

Чаще всего государство выступает инициатором диалога с обществом, формирует социально-рекламный заказ. В обществе всегда встречаются неразрешимые проблемы, а степень их остроты можно смягчить, апеллируя непосредственно к обществу.

Таким образом, в Дагестане республиканская власть является основным заказчиком социальной рекламы. Регулирование заключается в том, что власть выступать крупным заказчиком социальной рекламы, предоставлять свободный эфир.

Остановимся на наиболее популярных каналах распространения социальной рекламы в Дагестане:

- Аудиальная реклама на радио. Радио используется в меньшей степени чем другие средства массовой информации. По радио передаются призывы к молодым людям, которые по тем или иным причинам оказались по другую сторону и не успели совершить противозаконные действия. Из более 20 радиостанций, действующих на территории Дагестана, такую

работу ведут только единицы.

- **Аудиовизуальная реклама.** Телекомпании, вещающие в республике Дагестан, активно используют рекламные ролики антитеррористической направленности. В частности, объем трансляции такой рекламы на республиканском государственном спутниковом канале составляет около 20 минут ежедневно. Это только рекламные ролики.

- **Визуальная реклама.** В Дагестане зарегистрировано около 300 периодических изданий. Фактически, с определенной вероятностью, издается чуть больше половины. Из них статус республиканских имеют 14 государственных и 6 частных газет. С разной периодичностью в прессе размещаются материалы антитеррористической направленности. Авторами таких материалов чаще выступают сами журналисты, ученые или общественные деятели. Крайне редко можно прочесть мнения чиновников.

Визуальные образы в социальной рекламе имеют различные формы.

Можно выделить очень большое количество методов реализации социальной рекламы: фотографии, плакаты, клипы (слоганы), щиты, листовки, значки и другая атрибутика, эмблемы на товарах, граффити и др. За несколько последних лет в республике вышло в свет несколько книг публицистического характера, где в документальной форме подается материал о более значимых событиях в жизни дагестанцев. В их числе можно назвать две книги корреспондента 1 канала в Дагестане Алика Абдулгамидова «Крах операции скорпион. Хроника кизлярских событий» и «Новолакский рубеж» – о героическом подвиге липецкого ОМОНа и дагестанских милиционеров, которые в многократном численном меньшинстве в течение суток отбивали атаки банды международных террористов, вторгшихся в Дагестан с территории сопредельной Чеченской республики в августе 1999 года. За первую книгу автор был удостоен престижной журналистской премии Артема Боровика и Государственной премии Республики Дагестан.

Говоря о других методах подачи социальной рекламы можно остановиться на нескольких, которые чаще остальных используют в республике.

Клипы – самый распространенный метод социальной рекламы в Дагестане. Многие из них изготовлены не столько профессионально, сколько оперативно. Особенностью дагестанских клипов является то, что они совмещают в себе многие информационные жанры. Чаще всего их демонстрируют государственные телевизионные компании перед началом информационных программ и после их окончания.[1]

Листовки – как форма социальной рекламы использовалась единожды, где они несли информирующий и призывающий характер. Родственники погибших милиционерам информировали «лесных», что кара неизбежна, о том, что сформирована группа мстителей из числа родственников милиционеров.

Фотография стала неотъемлемым элементом социальной рекламы. Она придает ощущение большей достоверности тексту. Она встречается практически во всех печатных изданиях. У читателей газет возникает ощущение причастности к событиям, изображенным на фотографии. Нужно

отметить, что чрезмерно откровенные фотографии отталкивают читателя. Газеты не должны публиковать такие кадры, тела погибших – не лучший предмет для праздного любопытства.

Что касается социального плаката, очень эффективного решения, который бы информировал и создавал негативный образ террористов у населения и способствовал настрою на искоренение негатива, способствовал бы формированию установок, идей, этических принципов, убеждений в дагестанской социальной рекламе практически не используется.

По данным социологов (результаты реализации гранта Главы Дагестана «Факторы радикализации религиозного сознания в молодежной среде», приведенные в газете «Новое дело») за последние шесть лет процент верующих среди молодежи вырос на 15% и достиг 95%, более 50 % из которых придерживаются фундаментализма. На вопрос заданный фундаменталистам: «Как вы считаете, нормы шариата выше законов государства?» утвердительно отвечают 58,1%. На вопрос о том, будут ли они повиноваться государству, если его законы противоречат вере, 27,9% ответили «нет». Очень интересны результаты опроса о причинах террористической активности «ваххабитов» в Дагестане. 59,1% усматривают причину этого явления в реализации интересов зарубежных организаций за деньги «людьми без веры». 30,1% объясняют это «просто бандитизмом». 9,7% считают, что это протест дагестанцев, которых чем-то «обидела власть». И только 7,3% считают, что это защита «истинной религии мусульман». На вопрос «Почему молодые люди уходят в лес?» респонденты дают следующие ответы - «желание заработать» -34,4%, «случайные обстоятельства, желания почувствовать силу, романтику» - 33,1%, «бандитские побуждения» -16,5%, религиозный фактор -7,8%, борьба за социальную справедливость -4,4%.[2]

Результаты опроса, проведенного проф. Билаловым М.И., дают такую статистику: «социальные» и «религиозные» ответы на вопрос о причинах неповиновения государству находятся в пропорции 6 к 11. Если выразить в процентах, то религиозная мотивация — 27,9%; социально-правовая — 49,3% (если закон не выполняется — 8,8%, если закон несправедлив — 28%, если закон будут нарушать прокуратура, суды, милиция — 12,5%). Только 7,3% опрошенных готовы к безусловному выполнению требований закона.

Тем не менее, весь спектр деятельности СМИ и социологических структур, чьи выводы публикуются в прессе, выполняют определенные функции.

Информационная функция

- Информирование граждан о наличии определенной социальной проблемы (терроризма) и привлечение к ней внимания.

Экономическая функция

- Социальная реклама в долгосрочной перспективе экономически выгодна государству, поскольку устранение проблем терроризма ведет к стабилизации общества и благосостоянию государства.

Просветительская функция

- Пропаганда определенных социальных ценностей, объяснение

проблемы терроризма, источника проблемы и пути решения.

Социальная функция

- В нашей республике эта функция направлена на формирование общественного сознания, а также изменение поведенческой модели по отношению к конкретной социальной проблеме, чаще на определение установок по отношению молодых людей к терроризму.

Эстетическая функция

- В дагестанской социальной рекламе эстетическая функция имеет скорее негативный характер, чем позитивный.

В Дагестане даже во времена реализации грандиозного проекта, содержание которой говорит само за себя «Дагестан- территория Анжи». Потратили большие деньги частного инвестора. Купили звезд мирового футбола, Молодежь сплотили вокруг новой идеи. Но, к сожалению, все рухнуло.

Современную дагестанскую социальную рекламу можно классифицировать по следующим основаниям:

- субъект социальной рекламы – реклама деятельности государственных институтов;
- объект социальной рекламы – общечеловеческие, религиозные, патриотические,
- цель социальной рекламы – профилактика, информирование, предложение способов решения проблемы, формирование и закрепление социально одобряемых моделей поведения;
- масштаб деятельности социальной рекламы – региональный;
- концентрация на целевой аудитории – избирательная и массовая;
- характер воздействия социальной рекламы -рациональная – обращается к разуму представителей целевой аудитории и приводит аргументы и эмоциональная – обращается к их чувствам, эмоциям, переживаниям;
- форма социальной рекламы – статья, клип, слоган, и т.д.).

К сожалению, в Дагестане доминирует формальный подход к социальной рекламе, хотя общеизвестно, что она может быть эффективным инструментом социальной политики и давать зримые и важные для общества практические результаты. При регулировании социальной рекламы нужно исходить из того, что может сделать государство для того, для мобилизации общества на решение проблем терроризма.

Что касается рекламных кампаний в Дагестане, то приходится констатировать, что рекламисты не всегда учитывают психологическую структуру восприятия рекламы дагестанцами. Информационная среда перенасыщена повторяющейся однообразной рекламой, что вызывает у потребителя желание избегать ее воздействия.

Известно, что в социальной рекламе важно фокусировать усилия на нескольких наиболее важных направлениях, проводя сосредоточенные массовые кампании. Увы, дагестанская реклама многогранна и расплывчата. Заказы на производство – трансляцию государственной социальной рекламы

монополизированы. Идейный и креативный уровень рекламы оставляет желать лучшего.

Библиографический список

1. Магомедов Г.А. Формирование имиджа в СМИ. Научные труды SWorld. – Одесса, 2014. Т.20
2. Билалов М.И. Факторы радикализации религиозного сознания в молодежной среде// «Новое дело» от 22.02.2013

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 10.02.01

Дата публикации 27.02.2017

Балахонова А.А., Христова Т.Ю. Изучение изобразительно-выразительных средств на уроках по русскому языку в современной школе

**Балахонова Анастасия Александровна
Христова Татьяна Юрьевна**

Белгородский государственный научно-исследовательский
университет, Россия, г. Белгород

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения изобразительных средств русского языка.

Ключевые слова: образование, изобразительные средства, русский язык

The study of figurative and expressive means of the Russian language in the modern school

**Balahonova Anastasia
Hristova Tatiana**

Belgorod state national research University, Russia, Belgorod

Abstract: The article discusses the problem of studying the expressive means of the Russian language.

Keywords: education, graphic arts, Russian language

В сфере российской образовательной политики обозначился ряд положительных преобразований в течение последних нескольких лет. В фокусе внимания оказалась деятельность людей, которая обеспечивает им осознание

процессов внешнего мира и практическое освоение в социокультурной среде.

Интересен тот факт, что одной из ключевых целей, на достижение которой направлено освоение предмета «Русский язык» в школьной программе, является «совершенствование и развитие способностей к социальной адаптации и речевому взаимодействию; моделирование культурного речевого поведения в соответствии с коммуникационными задачами» [3, с. 14].

Актуальным аспектом обучения русскому языку в образовательной сфере, преимущественно в среднем звене, является формирование речевой образности учащихся. Ключевая роль в данном процессе отведена изучению изобразительно-выразительных средств речи, выступающих в качестве нового познания литературных реалий, а также форм восприятия и осмысления окружающего мира.

В словаре литературоведческих терминов С.П. Белокурова дает следующее определение данному понятию: «*Изобразительные средства* – это способы и приемы воссоздания действительности в художественном произведении, позволяющие представить зримую, слышимую, осязаемую ее картину: тропы, стилистические фигуры, различные формы звуковой инструментровки текста, ритм и т. п., т. е. те элементы произведения, которые помогают создать «чувственно-предметные образы» [1, с. 57].

Изучением данной темы занимались такие отечественные ученые, как Г.А. Богданова, В.В. Виноградов, Е.Н. Зарецкая, В.П. Ковалев, М.Р. Львов, А.А. Потебня, Г.Н. Складовская, Б.В. Томашевский, Л.П. Федоренко, Л.В. Чернец, С.Г. Ясинская и др.

Итак, изобразительно-выразительные средства речи имеют важное значение в курсе изучения современного русского языка. Они придают речи яркость, усиливают её эмоциональное воздействие, привлекают внимание читателя и слушателя к высказыванию.

Примечательно, что средства речевой выразительности крайне многообразны. Условно их можно разделить на несколько групп: фонетические (звуковые), лексические (связанные со словом-лексемой), синтаксические (связанные со словосочетанием и предложением), фразеологические (фразеологизмы), тропы (обороты речи в непрямом значении) изобразительные средства [4, с. 18].

В связи с данным тематическим многообразием изобразительные средства русского языка функционируют в разных сферах общения: художественной, публицистической, разговорной и научной.

Неоспорим тот факт, что наиболее беден ими официально-деловой стиль речи.

Особую роль изобразительные средства играют в художественной речи, помогая автору произведения создать полноценный и лексически богатый художественный образ, а читателю «войти в мир художественного произведения, раскрыть авторский замысел» [4, с. 34].

Тропами именуются приемы изучения основной коннотации слова.

А.А. Потебня пишет в своей «Исторической поэтике»: «*Троп* есть выражение, перенесенное для красоты речи с его первичного естественного

значения на другое, или, как чаще всего определяют грамматисты, выражение, перенесенное с места, где оно является подлинным, на место, где оно является неподлинным» [5, с. 96].

Основной функцией тропов является придание речи образности, эмоциональности, максимально достоверного и четкого выражения авторской позиции и понимания смыслообразующей основы художественного текста.

В связи с вышесказанным, можно сделать предположение, что тропы выполняют в русском языке несколько основных задач:

- познавательную;
- индивидуализирующую;
- субъективно-оценочную.

Итак, в образовательной сфере особое значение имеют следующие положения об изучении средств изобразительности русского языка:

1) троп – это употребление слова в переносном значении для характеристики каких-либо явлений при помощи вторичных смысловых оттенков;

2) троп – двухчастное сочетание слова с прямым и переносным значением;

3) троп обладает основными функциями: познавательной, индивидуализирующей (субъективно-оценочной) и эстетической;

4) соотнесение прямого и переносного значения слова основывается на сходстве, контрасте или смежности, исходя из чего возникают различные виды тропов: эпитеты, сравнения, олицетворения, метафоры и т. д. [3, с. 57].

Таким образом, изобразительные средства русского языка выполняют ряд важных функций: стилистическую, экспрессивную, смысловую, текстообразующую, коммуникативную.

Далее рассмотрим данные функции более подробнее.

Стилистическая функция примечательна тем, что средства изобразительности языка могут придавать тексту определённую стилистическую окраску (книжную, разговорную) и служат средством создания комического эффекта.

Экспрессивная функция изобразительных средств также очень значима, т.к. они могут выражать эмоциональность (отражение личностного взгляда человека, выражение его чувств, оценок); наглядность в отражении картин внешнего мира и внутреннего мира человека; своеобразие отражения действительности, новизна в подходе изображения предметов и явлений; красоту речи, её привлекательность.

Смысловая функция является не менее важной, потому что языковые средства могут нести и дополнительную смысловую нагрузку, т.е. происходит приращение смысла.

Изобразительные средства речи выполняют и текстообразующую функцию: создают ткань текста, участвуют в его построении.

Богатый набор языковых средств дает возможность выбрать уместную для речевой ситуации и благоприятную для адресата («ты» или «вы») форму общения, установить стилистически неокрашенную или, напротив,

официальную тональность разговора, тем самым реализуя коммуникативную функцию [2, с. 114-115].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема изучения и функционирования изобразительных средств русского языка является актуальной в наше время и требует дальнейших научных исследований.

Библиографический список

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Академия. – 2005. – 378 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык / В.В. Виноградов – М.: Наука. – 1986. – 640 с.
3. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь – М.: Просвещение. – 2013. – 207 с.
4. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В.П. Ковалев – Киев.: Изд-во Высшая школа. – 1981. – 341 с.
5. Потебня А.А. Историческая поэтика / А.А. Потебня – М.: Высшая школа. – 1990. – 380 с.

УДК 81-25

Дата публикации 08.02.2017

Маринченко И.А. Функционирование прилагательных, описывающих наличие / отсутствие жидкости на поверхности объекта и пропитанность влагой, в парфюмерном дискурсе

Маринченко Ирина Александровна

Дальневосточный федеральный университет (филиал), РФ, г. Уссурийск

Аннотация: Предметом исследования в статье является семантика осязательных прилагательных, передающих признак «сухой/мокрый» в текстах интернет-отзывов о парфюмерной продукции. Выявляются основные направления метонимического и метафорического переноса значения в данной группе слов. Определено, что прилагательное «сухой» используется как таксономический признак в наиболее известных классификациях ароматов, а в текстах отзывов оно позволяет выразить субъективные представления автора о парфюмерном продукте.

Ключевые слова: парфюмерный дискурс, ольфакторная лексика, модусы перцепции, полимодальность восприятия, синестезия, тактильный признак

Operation adjective describing a presence / absence of liquid on the surface of objects and food moisture in the perfume discourse

Marinchenko Irina Aleksandrovna,

Far Eastern Federal University (Branch), Russia, Ussuriisk

Abstract: The subject of research in this article is the semantics of tactile adjectives transmitting a sign of "dry / wet" in the texts of online reviews about perfumes. Main directions of metonymic and metaphoric transfer of meaning in the word group are defined. It was determined that the adjective "dry" is used as taxonomic character in the most popular classifications of flavors and in the texts of the reviews it allows us to express author's subjective views on the perfume product.

Keywords: perfumery discourse, olfactory vocabulary, modes of perception, polymodal perception, synesthesia, tactile feature

Ядро теории ощущений сложилось в физиологии и психологии [1, с. 5], однако в настоящее время изучение проблем восприятия объединяет представителей разных наук. Когнитивные процессы, связанные с вербализацией ощущений, находятся в центре внимания и современной лингвистики.

Ощущения порождаются воздействием на органы чувств человека таких явлений окружающего мира, как свет, цвет, вкус, температура и т.д. «Все, что касается природы человека и его отношения к действительности, предполагает чувственную основу, или *перцептивную составляющую*» [8, с. 85]. Одним из важных источников когнитивной деятельности человека является осязание. В процессе осязания оцениваются такие качества предметов, как твердость или мягкость, прочность, пластичность, упругость, температура, влажность и характер поверхности, вес и т.д. [1, с. 252; 8, с. 85].

В современном мире «активного дискурса» непрофессионалы делятся друг с другом отзывами о продуктах массового потребления, выступают как эксперты на специализированных тематических сайтах, например, на сайте электронного журнала «Fragrantica», один из разделов которого представляет собой коллекцию отзывов о парфюмерной продукции [9]. Примеры, приведенные в статье, взяты из текстов-описаний, размещенных на данном сайте, псевдонимы авторов цитат указаны в скобках после примера. Орфография и пунктуация источников в основном сохранены. Тексты отзывов очень разнообразны по объему, степени эмоциональности, характеру содержания. Компетентность авторов отзывов в области парфюмерии также проявляется в разной степени, но каждый из них так или иначе старается передать свое субъективное представление об аромате.

Общеизвестен факт ограниченности состава ольфакторной лексики, в силу чего в парфюмерном дискурсе «чужие позиции» занимает лексика, способная к синестетическому, интермодальному развитию значений, полимодальная по характеру отражения признаков предмета [о различии этих терминов см.: 4, с. 1409]. О. А. Елисеева отмечает: «Сенсорное восприятие внешних явлений и объектов, как правило, представляет собой комплексный процесс, поскольку данные о свойствах объекта поступают одновременно через различные сенсорные каналы» [5, с. 52]. «Полимодальные и интермодальные переносы позволяют описать объект наиболее ярко и экономно с точки зрения

используемых языковых средств, выделяя наиболее существенные признаки объекта путем наделения его сенсорной характеристикой из смежной модальности или за счет образного сравнения характеристик, принадлежащих к несмежным модальностям» [6, с. 62]. В результате слова превращаются в своеобразную «копилку смыслов», «семантическую сеть», организующую структуру значений, связанных между собой различными отношениями.

Объектом настоящего исследования являются процессы семантического развития прилагательных в направлении «осязание – обоняние» и лежащие в их основе перцептивные образы, объективируемые в семантике прилагательных.

Действие семиотического закона взаимодействия модальностей восприятия, создающего «иллюзию гомогенности воспринимаемых свойств» [2, с. 112], приводит к активному внедрению в состав терминологической и оценочной ольфакторной лексики тех слов, которые первоначально относились к области осязания. К примеру, осязательные прилагательные включаются в составные наименования групп ароматов согласно классификации Майкла Эдвардса в созданном им «Колесе ароматов»: цветочные *мягкие*; восточные *мягкие*; древесные *сухие*.

Л. В. Лаенко в русском языке выделила 34 перцептивных прилагательных с общей семой «воспринимаемый осязанием» и с дифференциальными семами «твердый»/«мягкий»; «острый»/«тупой»; «горячий»/«холодный»; «мокрый»/«сухой» [7, с. 22]. Изучение субъективных образов этих признаков позволяет ученому утверждать, что они «далеко не всегда могут быть представлены как разновидности элементарных кожных ощущений: прикосновения, тепла, холода, давления, боли и т. д.» [там же].

Наши наблюдения показали, что мнение о том, что «прилагательные, обозначающие признак, воспринимаемый на ощупь, практически не употребляются для передачи качества или насыщенности запаха» [3, с. 128], не совсем верно. В парфюмерном дискурсе используются осязательные прилагательные различных подгрупп. Об аромате говорят *липкий, гладкий, ровный, шелковистый, бархатистый, шершавый, шероховатый, корявый, колючий, горячий, холодный, легкий, тяжелый* и т.д.

В данной статье мы остановились на подгруппе тактильных прилагательных [8, с. 86], описывающих наличие / отсутствие влаги на поверхности объекта: *сухой, мокрый, сырой, влажный*.

Прилагательное *сухой* применяется для описания свойств объектов разных классов. В парфюмерном дискурсе адъектив *сухой* характеризует один из основных признаков ароматов групп *восточные, древесные, кожаные*. Минимальные знания о группах ароматов и присущих им нотах позволяют автору отзыва связать основное направление аромата с признаком сухости. Этому способствуют и названия ароматических продуктов, внутренняя форма которых отсылает к Востоку.

В парфюмерном дискурсе соотносятся признаки *сухой, пыльный, пудровый* (по общей семе 'отсутствие жидкости' и общности производимого на органы обоняния воздействия). Прилагательное *сухой* коррелирует с лексемами, указывающими на температуру объекта: *теплый, горячий,*

жаркий, знойный, обжигающий (опосредованная ассоциативная связь: горячее, нагретое обычно бывает сухим); с прилагательными, номинирующими вкус: **горький, пряный, терпкий** (признаки натуральных материалов, ноты которых выявляются в сухих ароматах); с прилагательными, образованными от субстантивов, номинирующих природные явления и материалы, запахи которых воспринимаются как сухие и воспроизводятся в парфюмерном продукте (**кожанный, древесный, смолистый, миштовый, дымный, спецовый, кокосовый, миндальный, удовый** и т.д.): *Ох, эти горькие, сухие, терпкие, черные, старые... ДРЕВНИЕ ноты Шалимара... СкуКОЖенная кожа и ваниль!* (auroga_ru); *Согласна, что аромат очень сухой. Сначала сухое дерево с сухим миндалём, потом добавляются сухие семена тмина и сухая кокосовая стружка. По прошествии времени является стручок ванили – сухой, конечно* (mari85); *Суховатый такой запах, но не пыльный. Сухая жасминовая древесная пылающая пудра* (urtica); *Cuirс Carner Barcelona более пряный, сухой и кожаный* (ShriShafran); *Сухой, древесно-удово-смолистый* (MoiOlga); *Сухой древесно-спецовый аромат* (Fatality); **Пыльно-сладковатый, пряный, жаркий, страстно-ретровый. Есть небольшая горчинка и терпкость** (Galikiss); **Полынно-бархатцевый-гвоздично-гиагинтовый-пряный-соленый-сухой, такой красивый!** (Airinis); *Это был горячий, суховатый, горьковатый миндально-кокосовый аромат... который я надевала в зимнее время года* (melidoll).

Для парфюмерного дискурса характерны метонимические структуры с пропуском слов типа *запах* или *аромат*. При этом происходит сдвиг восприятия в конкретно-предметную сферу, когда называется прототипический для парфюмерного дискурса носитель признака сухости: *Горсть сухих острых специй, а позже дорогие редкие масла – вот что я слышу в Шалимаре* (mrskv360); *На мне сухая малина-ежевика, с легким, приятным шлейфом* (mia-am); *На моей коже во всю свою мощь на фоне бергамота играют сухие корки цитрусов* (Lasgo); *Горсть сухих острых специй, вот что я слышу в Шалимаре* (mrskv360).

Часто сами авторы отзывов считают свое мнение об аромате субъективным, обусловленным их эмоциональной, физиологической или когнитивной индивидуальностью. Так, *сухой* аромат вызывает ассоциации с хорошо знакомыми местами или временем года. Сухие ароматы – это ароматы *золотой осени, пустыни, степи* и т. п. В этом случае значение прилагательного *сухой* отражает связи, возникающие на основе конверсивных отношений [7, с. 24] «имеющий признак → напоминающий о нем»: *Мабуссин – сухой и жаркий (для меня много специй), будто в Сахаре нахожусь* (Лильк@); *Для меня это запах золотой осени) Сухой, немного пряный, теплый, сладковатый* (iriska_pm). «Синестетические метафоры модели запах – осязание наделяют запах физическими характеристиками, благодаря чему его можно ощутить, увидеть, измерить и установить, таким образом, связь между модальностью конкретного физического восприятия и абстрактной обонятельной модальностью» [4, с. 1309]. Приведенный ниже пример иллюстрирует общую модель синестетического переноса от конкретного, чувственно

воспринимаемого признака к эмоционально-оценочной характеристике ароматической композиции: *Для меня – совершенно не восточный. А южно-российский:)* Это запах южной степи в конце июля – августе. Травы почти вся сожжена солнцем, сухая и колючая, земля песчаная, горячая, обжигаящая, воздух тоже обжигает – сухой и звенящий от зноя. И упоительный горький и терпкий запах сухих трав... Такой «пыльный», землистый аромат. Удивительный. Обжигаящий. Сухой. Шедевр (Sagoto).

В русском языке нет адъективов, семантика которых указывала бы на интенсивность проявления признака сухости. Значение интенсивности в осязательных прилагательных репрезентируется с помощью приставок и суффиксов: При первых нотах звучит интересный, *суховатый* и горьковатый аромат (Ruediger); Рейвинг *посуше*, как-то подревеснее и попрозрачнее (Renaudot). Также для этого используются разнообразные интенсификаторы: На мне Инисьяли оооочень сухие, не могу отделаться от ассоциаций с сеном)) (urtica); Аромат может показаться излишне землистым и сухим, дерево повсюду (Monique Monique); А потом ваниль и деревяшечки... *сухие до звона* (ТанькаКрасавица); Так много от него ждала, а он какой-то *сухой оказался... да, именно сухой, высушенный!!...* (zverenka); Эта органза ощущается сладко-специевой, *сухой, даже знойной* (Furia); У аромата Версаче нет такой ванильной сладости, он *более сухой, кедрово жесткий* (Boba Fett).

Сухие запахи при восприятии вызывают своеобразные ощущения, которые описываются как особые звуки, издаваемые сухими предметами (хруст, треск), или чувство першения, поскольку сухим ароматам в соответствии с одним из оттенков значения прилагательного ('лишившийся свежести, сочности, мягкости, ставший жестковатым, черствым') свойственна шершавость, жестковатость, колючесть или пыльность: Вначале *сухой, горький, как миндаль, посыпанный кокосовой стружкой. Аж хрустит* (Inesskin); Не выношу явный жасмин в парфюмах, тут он весь в деревяшках конечно, в таких *сухих и трескучих* (Darkwood); Того же мнения, что *пыльный, сухой (прямо в носу першит)* (AnnaRU); Такое ощущение что когда я его чувствую мне *в нос насыпали перца, в горле першит начинается. Он сухой, совсем не свежий* (Helvetti_Kissa); *Сухая першистая* ваниль с примесью мандариновой сладости (безобразница); *Сухая* ваниль с такими же *сухими* специями... *шершаво* (Тая); Начало *суховато-горько-древесно-шершавое* (katrin1983); Не понимала, как аромат может быть *сухим и горячим*, но он именно такой, в начале *жестковатый, цепляет все носовые носовые рецепторы одновременно* (Infiniti); Блю Грасс для меня *сухой и невозможно колючий* (Finka); На мне КН *более сухой, что ли, более колючий* (ta-vir).

Свойство сухости ассоциативно связывается с омертвлением и старостью, что порождает метафорическую или компаративную развертку образа аромата в тексте: Самый непредсказуемый Герлен в моей коллекции. Он бывает *злой, сухой, жесткий и горький. Как черствый старикан с костлявыми руками, обтянутыми пергаментной кожей. Колдун, плетущий свои заклинания* (Rrrr Шамад); Шалимар не нравится. Для меня это *аромат увядания*,

печали... Аромат сухой и безрадостный. Сексуальный? Может быть, как поцелуй стареющей женщины (guest_Надия).

При олицетворении отрицательно-оценочная коннотация, связанная с сухостью, обуславливает использование в описании аромата таких прилагательных, как *строгий, злой, надменный, гордый, молчаливый, гордый* и т.п.: *Сухой шипр, строгий* (Qwas); *Какая роскошная роза! И мох рядом сухой, строгий* (Оля гарн); *Шалимар временами такой монашески строгий со своим сухим сандалом* (lubovrodukova); *Перед покупкой аромат казался объемным, тягучим, мягким, а сейчас сухой и колючий, надменный, если можно так сказать про запах* (Missi); *Мне аромат показался суховатым, фруктово-цветочным и молчаливым, безусловно интересным мрачноватой своей тухлостью* (Фомина).

Лексемы со значениями ‘сухой’, ‘мокрый’ образуют антонимичные блоки. Слова *мокрый, сырой, влажный* редко характеризуют непосредственно сам запах: *Деревяшки если и есть, то светлые такие и сырые* (NaKa); *Мне понравилось именно начало – нечто сырое, землистое, сквозняк из подвала* (katrin1983). Чаще эти прилагательные используются на второй или следующих ступенях подчинительной связи, обычно при субстантивном генитиве: *Запах мокрого дерева и сырого гипса!* (Tengfei); *Для меня это запах осеннего леса и сырой земли* (bill); *Аромат хвойного леса, сыроватого мха* (Natulechka); *Какой же это очаровательный ландыш! Утренний в росе, пахнувший прохладой сырой земли и влажными корешками* (Саломея).

Прилагательные *мокрый, сырой, влажный* типичны для ассоциативного контекста: *Фильм сумерки 2008 года. Серо-зеленые тона, лес, таинственный, сырой, влажный, манящий* (Маркиза Ангелов); *Мох и землистые пачули переносят в чуть сырой утренний лес* (mamba); *Какая-то негромкая землистая влажная зелень, не сок, а именно трава* (ShriShafran); *Роза на влажном мишистом стволе дерева* (Natagena).

Признак влажности может стать основой доминантного образа текста отзыва: *Аромат-образ: деревенская баня зимой! С ее ароматными вениками, мхом, уложенным между новыми бревнами сруба... И колючим январским воздухом, когда, попарившись всласть, выходишь из предбанника, окутанный паром. Аромат влажный, словно та баня находится в чаще леса. Видимо, собственность доброй Бабы Яги :)* (Apsara).

В описании личного восприятия аромата могут присутствовать прилагательные типа *потный*: *После пищика - умривсеживое потное термоядерное суперстойкое нечто. Нюхала рукав шубы, сразу ассоциация – потное тело, забрызганное духами* (Lepestok); *Тестировала до этого и хорошо запомнила такой провокационный, но не потный мускус* (SHION).

В парфюмерном дискурсе диагностические контексты выявляют не столько контрастность признаков *сухой – мокрый*, сколько оппозиции *сухой – жирный, маслянистый, сливочный, сухой – свежий*: *За счёт деревяшечных нот он не резкий-влажный, а обезвоженный, сухой немного* (maria.lagovaya); *Аромат не сухой, а даже мокрый, если можно так сказать...* (Саламандра); *Запах маслянистый, но сухой* (Zosya); *И все это маслянное... и в то же*

время, есть сухие ноты (Lavander); Я не чувствую жирность, сливочность, наоборот, он для меня сухой, шероховатый (mia-amí); Он для меня праздничный, игривый – то свежими, то суховатыми нотами... (СтьюзЯ); Для меня он никакой не мягкий и не теплый, а сухой, хлесткий, немного пыльный (лидия72).

Таким образом, осязательное прилагательное со значением 'сухой' активно используется в парфюмерном дискурсе как классификационная и оценочная лексема. В контексте это прилагательное обычно включается в ряд предикатов с общими семантическими признаками. Семантика адъектива *сухой* развивается в направлении «имеющий признак сухого → сохраняющий этот признак или напоминающий о нем». Ряд общеязыковых производных значений прилагательного *сухой* сохраняется и при метафорическом описании аромата в парфюмерном дискурсе. Роль прилагательных, указывающих на свойство влажности, в парфюмерном дискурсе более скромная, хотя они могут служить опорой метафорических конструкций.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. – Л.: ЛГУ, 1961. – 460 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Астапкина Е. С. Особенности синестетического употребления осязательных прилагательных (на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков) // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский Дом печати, 2011. – С.125-129.
4. Брылева Р. Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов // Вестник Башкирского университета. – 2011. Т.16. – №4. – С. 1307-1310.
5. Елисеева О.А. Концептуализация тактильных ощущений, связанных с восприятием поверхности объекта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2015. – 245 с.
6. Елисеева О.А. Метонимические и метафорические способы описания характера концептуализации чувственного восприятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. – С. 62-65.
7. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2005. – 465 с.
8. Моисеева С. А., Бубырева Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 84-88.
9. <http://www.fragrantica.ru/> (дата обращения: 19. 01. 2017).

УДК 81'271:378.6-057.875

Дата публикации 24.02.2017

Сушинская И.М. Формирование языковой культуры личности у студентов технических вузов

Сушинская Ирина Михайловна

Институт железнодорожного транспорта, г.Донецк

Аннотация: В статье рассматривается вопрос языковой компетенции студентов технических вузов и факторы, влияющие на формирование языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, речевая компетенция, инженер, язык профессионального общения, культура речи

Technical Higher Educational Establishment Students' Linguistic Culture Formation

Sushynskaya Irina Mikhailovna

Donetsk Institute of Railway Transport, Donetsk

Abstract: In the article, the issue of the technical higher educational establishment students' language competence and the factors influencing linguistic identity formation is considered.

Keywords: linguistic personality, speech competence, engineer, professional communication language, speech culture

На современном этапе подготовки квалифицированных специалистов актуальной проблемой является исследование филологической парадигмы в специальном образовании. Внимание филологов, ученых, работников образования сфокусировано на вопросах цели, роли, функциях, заданиях, содержании, структуре и специфике филологического компонента именно в профессиограмме будущего специалиста, его интеллектуально-креативной деятельности.

Целью нашего исследования является анализ путей формирования языковой культуры личности и ее роли в процессе становления специалиста. Поставленная цель предусматривает следующие задания: обосновать зависимость и взаимодействие основных составляющих филологической парадигмы в формировании речевой культуры специалиста-инженера высокого уровня.

В настоящее время понятие языковой личности достаточно хорошо разработано в российской лингвистической науке (Ю.Д. Апресян, Г.И.Берестнев, Г.И. Богин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И.Шаховский и др.) В лингводидактике под языковой личностью

понимается человек, способный участвовать в речевой практике. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает в языке, сколько тем, что она может с языком делать [1, с.3]. Задача развития языковой личности предполагает, в частности, совершенствование письменно-речевых способностей высшего уровня, который соотносится со следующими навыками и умениями:

1) целенаправленно создавать письменные тексты разной жанрово-стилевой ориентации, отвечающие прагматическим условиям общения;

2) работать над формированием и совершенствованием индивидуального письменно-речевого стиля, уметь обрабатывать собственный речевой опыт, накопленный в различных сферах и ситуациях общения;

3) редактировать текст с учетом орфографических, пунктуационных, стилистических и других видов норм письменной речи;

4) вырабатывать свободные навыки активной и самостоятельной интерпретации письменного текста;

5) воспринимать и усваивать разные виды информации из письменно-речевых сообщений;

6) обосновывать и понимать психологические процессы, отражающиеся в письменной сфере общения, уметь их прогнозировать и ими управлять.

Филологическая компетенция является существенным, гибким и динамическим компонентом профессиональной подготовки будущего специалиста и базируется на гармоничном, сбалансированном взаимодействии как минимум пяти ключевых составляющих, последовательность которых определяется конечной целью познавательной деятельности 1) языковой; 2) терминологической; 3) коммуникативной; 4) риторической; 5) синтетической.

Компетенция специалиста технической сферы предусматривает свободное владение государственным языком в его разных стилистических разновидностях и высокий уровень речевой культуры. На сегодняшний день существует ряд факторов, которые усложняют достижение поставленной цели: низкая речевая культура в семье, суржик, недостаточное количество высококачественных учебников, практическое отсутствие в читательских приоритетах студента произведений художественной литературы, низкопробные радио-, телепередачи, которые заполняют эфир, доминирование упрощенного интернет-общения, снижение общей речевой культуры общества и как следствие – культуры коммуникации, жаргонизация, вульгаризация речи – все это существенно влияет на уровень речевой культуры современного студента.

Эффективным методом решения этих проблем, во-первых, является гармонизация профессиональных знаний и филологической образованности как фундаментальной основы в этой сфере коммуникативной деятельности. Во-вторых, реформирования образовательной деятельности в контексте европейских требований, что предусматривает повышение качества языковой подготовки и конкурентноспособности специалистов, их соответствие европейскому рынку труда, создание условий для свободного перемещения студентов на территории России и Европы, что в данных условиях представляет

значительную проблему. Поставленные задачи требуют конструктивного решения как на уровне содержания, конечной цели и количественных характеристик, так и приоритетных стратегий лингводидактики и прикладной лингвистики.

Проблема изучения языков на протяжении XX ст. стала актуальной благодаря интенсивному развитию и масштабным достижениям психологии, нейрофизиологии, социологии, кибернетики, теории коммуникаций и появлению новых междисциплинарных сфер прикладных наук, прежде всего, психолингвистики и социолингвистики. Процессом интегрирования разнообразной научной информации, на основе которой сформировались требования к интеллектуально-профессиональному уровню специалиста, и, в частности, специалиста-инженера, обосновано появление и введение в научный оборот таких новых понятий, как коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, филологическая компетенция. Именно с этими видами компетенций чаще всего связывают сложное понятие “язык специальности”, учитывая дихотомию “язык/речь” и теоретические лингводидактические основы обучения на родном или неродном языке профессиональному общению в устной и письменной форме. Особо важную роль в процессе формирования языковой компетенции играет присутствие в образовательно-квалификационной программе высшей школы курса “Русский язык и культура речи”, “Русский язык и основы редактирования текста”, “Деловая риторика” и под.

Проблемы повышения речевой культуры должны рассматриваться в процессе чтения лекций, проведения практических и семинарских занятий, консультациях, написании и проверке письменных работ, во время зачетного и экзаменационного контроля.

Формирование языковой компетенции осуществляется в двух направлениях: устная и письменная речь. Развитие устной профессиональной речи требует от преподавателя умения выбрать ситуацию, стимулирующую речевое общение; обеспечить активное участие студентов в речевом общении; умение правильно отбирать упражнения и задания в соответствии с целью общения.

Первоочередным заданием в процессе навыков устной коммуникации является работа над соблюдением акцентологических и орфоэпических норм, обогащение лексического запаса студента, устранение из речи нелитературных слов и выражений, формирование логики мышления. Устная речь представлена богатым выбором интонационных средств, включая мелодику речи, логическое ударение, громкость, четкость произношения, паузы. Необходимо учитывать также присутствие в устной сфере коммуникации невербальных способов передачи информации.

Особого внимания с точки зрения обогащения лексического запаса, чистоты и понятности речи заслуживает чрезмерное увлечение иностранной лексикой в технической литературе, в частности, терминами и выражениями, которые закрепились в профессиональном языке специалистов. Первоочередной задачей является разъяснение семантики иностранных

терминов, так как незнание их значения представляет для студентов существенную проблему. Необходимо отметить, что от значительной части заимствованной терминологии отказаться сложно, но, в то же время, следует объяснять студентам, почему использование иностранного является оправданным/неоправданным в тех или иных случаях, обосновывать возможность синонимической замены заимствования русским аналогом.

Работа над повышением культуры письменной речи в первую очередь состоит в совершенствовании навыков орфографии и пунктуации. Эти нормы имеют специфическое выражение и систему графических обозначений, проявляющихся на письме – в тексте, поэтому они связаны только с материально существующим тестом. Таким образом, нормы письменной речи обеспечивают правильность восприятия текста. Письменная форма более устойчива, более консервативна и более унифицирована по сравнению с устной, которая более изменчива и вариативна, следовательно – более универсальна. Использование письменной формы выражения мыслей означает возможность продумывания речи, говорящий же вынужден мыслить и говорить одновременно. Письменный текст можно подвергнуть литературному редактированию – процессу адаптации к нормам письменной речи.

Отдельного внимания требует методика проверки письменных работ. Возможны следующие варианты: исправлять все ошибки без исключения (предлагать правильное написание слов или построения фразы); указывать на ошибки, не исправляя их; исправить или указать на ошибки в части текста (одной ли нескольких страницах, в пределах раздела и т.п.), отмечая, какая часть текста подверглась правке с точки зрения формы и содержания; не исправлять ошибки, но указать на их присутствие, отметить типичные. Форма реагирования преподавателя на выявленные недочеты выбирается с учетом количества ошибок, их характер, уровень подготовки студентов и т.д. Игнорирование наличие ошибок в письменных работах недопустимо, так как в этой ситуации складывается соответствующее впечатление о речевой культуре самого преподавателя.

Таким образом, овладение культурой письменной и устной речи студентами технических вузов предусматривает два уровня: 1) базовый уровень, предполагающий владение нормами устного и письменного литературного языка – правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления; 2) высший уровень речевого мастерства, предполагающий овладение умением использовать выразительные средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. Наук / Г.И. Богин. – Л., 1983. – 124 с.
2. Введенская Л.А. Культура искусство речи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 142 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании //

Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64-72.

4. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учеб./под ред. Н.А. Ипполитовой. – М.: Тк Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 440с.

5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1997. – 132 с.

6. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения //Язык и личность. – М., 1989. – 264 с.

УДК 811.161.1

Дата публикации 24.02.2017

Твердохлеб О.Г. Грамматика согласованного определения в форме одиночного причастия, характеризующего названия реалий животного мира, в поэтическом тексте Иосифа Бродского

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Аннотация: Обосновывается идея о том, что употребление причастий оказывается значимой характеристикой идиостиля Иосифа Бродского. В статье были исследованы синтаксические конструкции, извлеченные методом сплошной выборки из стихотворений и поэм Иосифа Бродского и включающие атрибутивную временную характеристику зоонимов, данную согласованным определением, выраженным разными одиночными причастными формами. Автором проведены анализ, систематизация и классификация одиночных причастных форм в указанных типах конструкций, используемых И. Бродским в своем поэтическом творчестве. На большом иллюстративном материале было показано, что в его поэтических композициях объекты животного мира, чаще охарактеризованные в качестве существовавших ранее активных и самостоятельных деятелей, являются элементами наиболее приемлемого для поэта уже произошедшего события. На основе количественных данных был сделан вывод о наличии тесной связи между функционированием в поэтическом тексте Иосифа Бродского одиночных причастий в качестве атрибутивной характеристики реалий животного мира, и идеей времени. Приёмы исследования языка поэзии Иосифа Бродского, предложенные в данной работе, могут быть использованы при анализе поэтики других авторов.

Ключевые слова: причастие, определение, зооним, идиостиль

Grammar is an agreed definition in solitary communion that characterizes the titles of the realities of the animal world, in a poetic text by Joseph Brodsky

Tverdokhlebova Olga Gennadjevna
Orenburg State Teacher Training University, Orenburg

Abstract: Substantiates the idea that the use of the sacraments is meaningful characteristics of idiostyle of Joseph Brodsky. In this paper we have investigated the syntactic structures extracted by the method of continuous sampling of the poems of Joseph Brodsky and including the temporal characteristic of the attribute zoonyms, this agreed definition expressed by different involved single forms. The author of the analysis, systematization and classification of single forms involved in these types of constructions used by J. Brodsky in his poetry. On a large illustrative material was shown in his poetic compositions, objects of the animal world, often described as a pre-existing active and independent figures, are the elements most appropriate for the poet events that have already occurred. On the basis of quantitative data, it was concluded about the close relationship between functioning in the poetic text of Joseph Brodsky single participles as attributive characteristics of the realities of the animal world, and the idea of time. Methods of study of the language of the poetry of Joseph Brodsky proposed in this work can be used in the analysis of the poetics of other authors.

Keywords: participle, zoonim, definition, idiostyle

Характерной чертой поэзии Иосифа Бродского, по мнению многих ученых, является ее связь с идеей времени [6; 7; 8; 10; 11; 19 и др.], поэтому объектом нашего исследования станет функционирование в поэтическом тексте И. Бродского названий животных, которые характеризуются временным процессуальным признаком в форме согласованного определения, выраженного разными причастными формами.

Мы уже указывали, что причастия, употребление которых связано с их судьбой в истории русского языка, соединившие в себе энергию глагола с описательной экспрессией прилагательного, выражают действие или состояние как признак временный. Такие свойства причастных форм позволяют поэту образно описывать разные номинации реального мира, так как представляют их признаки в динамике, в процессе его осуществления, становления, развития, изменения [12-14].

Нами также было уже описано тематическое своеобразие объектов растительного и животного мира, охарактеризованных временным атрибутивным признаком в форме причастий — одиночных и в составе причастного оборота [15-18].

В этой работе нас будет интересовать грамматика процессуального признака, отражающего характерную для поэтического мироощущения И. Бродского идею времени и используемого в качестве художественного определения реалий фауны.

В работе использованы общепринятые в лингвистике способы и методы исследования, в том числе: описательный, сопоставительный, компонентный, контекстуальный, ассоциативный.

При анализе причастных форм мы исходим из основного вывода

И.В. Замятиной и Г.Ю. Сызрановой в отношении особенностей семантической природы причастных форм, указывающих следующее: «В зависимости от того, признак какого именно действия обозначает причастная форма, в каком контексте она употреблена, в ней могут проявляться то глагольные, то «прилагательные» признаки. Причастие даже в позиции согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного, может оставаться причастием, сохраняя свою двойную семантическую и морфологическую сущность» [4, с. 121]. (См. также: [3, с. 56; 5, с. 128]).

Нами было проанализировано электронное собрание сочинений Иосифа Бродского, включающего 612 текстов (стихотворений и поэм) [1] (все цитируемые нами далее примеры даются по этому изданию).

В результате проведенной нами сплошной выборки было обнаружено более 100 случаев использования поэтом названий животных разных тематических групп (общих названий животных, собственно зоонимов, названия их совокупностей и частей тела) (подробнее о тематическом своеобразии названий фауны в указанных типа конструкций см. нашу предыдущие статьи [17; 18]), охарактеризованных временным признаком по действию в форме согласованного определения, выраженного разными причастными формами, а именно:

- одиночными (34 конструкции), напр.: ...и **лающая** собака / *вылетает из подворотни, как скомканная бумага* («Всегда остается возможность выйти из дому на...»); *Над ней **кружащаяся** птичка* («На выставке Карла Вейлинка»). Ср. случай с двумя повторяющимися одиночными причастиями: ...*изловил / двенадцать кошек (почерней) и с этим / **скребущимся, мяукающим** грузом* («Post aetatem nostram»);
- в составе причастного оборота (73 примера), напр.: *Раскрашенная в цвета зари собака* («Вертумн»); *Так птица вылетает из гнезда, / **гонимая заботами о харче*** («Горбунов и Горчаков»).

Приведенные количественные данные показывают, что почти в два реже по сравнению с придаточными оборотами в качестве характеристики объектов животного мира в роли определений в поэтических текстах И. Бродского выступают одиночные причастия, в которых аккумулируется значительная выразительная энергия русского языка.

Опишем далее одиночные причастия разных грамматических форм, используемые поэтом для обозначения временных признаков у объектов животного мира.

Нами было выявлено, что гораздо чаще (23 случая) для атрибутивной временной характеристики номинаций фауны в текстах И. Бродского употребляются причастия действительного залога.

1) Достаточно частотны действительные причастия настоящего времени (14 случаев), образованные:

- суффиксами -ущ-, -ющ- (8): ...*мы превращаемся в **будущие** моллюски* («Стихи о зимней кампании 1980-го года»); ...***грядущему** моллюску / готовя дно* («Второе Рождество на берегу...»); ...*изловил / двенадцать кошек (почерней) и с этим / **скребущимся, мяукающим** грузом* («Post aetatem

nostram»); ...коня белеющего бег («Петербургский роман (поэма в трех частях)»); ...и лающая собака / вылетает из поворота, как скомканная бумага («Всегда остается возможность выйти из дому на...»); ...тявкающей лисы («Осенний крик ястреба»); ...и дремлющие птицы («И вечный бой...»);

- суффиксами *-ащ-*, *-ящ-* (6): ...грохот огнедышащих коней («Зофья (поэма)»); ...находил кричащих птиц («Шествие (поэма)»); ...пикирует огнедышащий ящер («Морские манёвры»); Над ней кружащаяся птичка («На выставке Карла Вейлинга»); ...жуужжащая небесная оса («Зофья (поэма)»); ...смердящий зверь («По дороге на Скирос»).

2) Также достаточно частотны действительные причастия прошедшего времени (9 случаев), образованные:

- суффиксом *-вш-* (8): ...за счет / притаившихся тварей («Орфей и Артемида»); ...как сосцы волчицы, / накормившей Рема и Ромула и уснувшей («Римские элегии»); ...в сей бредень (или в сеть) дождя / попавшихся прибрежных птиц («В семейный альбом»); ...как пенье зазимовавшей мухи («Жизнь в рассеянном свете»); ...уснувшими косяками / стоят в темноте дома («Колыбельная Трескового Мыса»); ...как память о бывшем стаде («Римские элегии»); ...мышь <...> приподняв свою / обезумевшую мордочку («В Англии»);

- суффиксом *-ш-* (1): ...и выросшим крылом ко мне стучится («Шествие (поэма)»).

Среди конструкций описанной группы есть одна причастная лексема, использованная поэтом дважды:

• лексема уснувший (2 случая), ср.: ...как сосцы волчицы, / накормившей Рема и Ромула и уснувшей («Римские элегии»); ...уснувшими косяками / стоят в темноте дома («Колыбельная Трескового Мыса»).

Причастия страдательного залога

Гораздо реже (12 случаев) находим в исследованных нами поэтических текстах И. Бродского причастия страдательного залога.

3) При этом, по данным нашей картотеки, функционируют страдательные причастия только прошедшего времени (все 12 случаев), образованные:

- суффиксом *-енн-* (*-ен-*) (4): Только вышколенная болонка («Клоуны разрушают цирк. Слоны убежали в Индию...»); ...в совместно распатроненной лягушке («Из «Школьной антологии»); ...желтой / жареной рыбой («Сан-Пьетро»); Снова пришла лиса с подведенной бровью («Воронья песня»);

- суффиксом *-нн-* (*-н-*) (6): Загнанный зверь («Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром»); ...внутренностями Троянского поддержанного коня («"Барбизон Террас"»); ...кирпичный банк с распластанным орлом («Осенний вечер в скромном городке»); Непойманные рыбы («Голландия есть плоская страна»); ...и крыльями взволнованными машешь («Теперь все чаще чувствую усталость»); Так, забыв рыболова, / рыба рваной губой / тицетно дергает слово («Мексиканский романсеро»);

- суффиксом *-т-* (2): Из согнутого, как крюк, / клюва («Осенний крик ястреба»); ...перевитым / туловищем змеи («К Евгению»).

В описанной группе среди причастий страдательного залога нет ни одной повторяемой поэтом лексемы.

Причастия прошедшего и настоящего времени

Приведенный выше языковой материал свидетельствует, что с номинациями объектов растительного мира И. Бродский употребляет одиночные причастия:

- обычно действительного залога (23 случаев), из них прошедшего времени (14 случаев) и настоящего времени (9 случаев);
- гораздо реже страдательного залога (12 случаев), из них все прошедшего времени.

Следовательно, художественному творчеству Иосифа Бродского более свойственно изображение объектов фауны, как активных, существующих без помощи или воздействия людей, то есть таких, которые в действии «сами свой признак делают» [9, с. 84], при помощи причастий, обозначающих «признаки временные, возникающие извне и характеризующие предмет только внешним образом» [2, с. 14].

Описанные грамматические средства, включающие в стихотворный текст идею процессуальности, отражают, по нашему мнению, свойственную всему поэтическому творчеству Иосифа Бродского идею времени, его видение временной протяженности.

Данные нашей картотеки показали, что И. Бродский характеризует наименования объектов фауны при помощи:

- причастий прошедшего времени (чаще: 21 случай), образованных от глаголов (чаще) совершенного вида (*зазимовавшей, обезумевшую, понавших, притаившихся, уснувшей; взволнованными, выросшим, вышколенной, загнанный, непойманные, перевитым, подведенной, подержанного, распатроненной, распластанным, согнутого*) и (в единичных примерах) несовершенного вида (*бывшем, жареной, рваной*), при помощи которых в поэтическом тексте И. Бродского передается семантика признака по действию, совершавшемуся или совершенному когда-то в прошлом и закрепившемуся в памяти поэта (лирического героя) в виде воспоминаний;
- причастий настоящего времени (реже: 14 случаев) образованных только от глаголов несовершенного вида (*белеющего, будующие, грядущему, дремлющие, жужжащая, кричащих, кружащаяся, лающая, мяукающим, огнедышащий, скребущимся, смердящий, твякающей*) и передающих в поэтическом языке И. Бродского семантику действия, протекающего в данный момент (в момент речи лирического героя), предполагающего семантику действия, совершаемого всегда, вечно, и необязательно в настоящий момент.

Приведенные количественные данные подтверждает уже отмеченное лингвистами (в частности, исследовавшими в поэзии И. Бродского темпоральные единицы лексического уровня *прошлое, настоящее и будущее*) понимание поэтом времени «как некоего абсолюта, уничтожающего все на своем пути» [19, с. 253], и принятие *прошлого* как наиболее «приемлемой среды существования, где он чувствует себя уверенно и спокойно» [Там же].

Животные, отличающиеся свободным и произвольным движением, чаще

характеризуются поэтом в качестве активных деятелей, самостоятельно действующих в прошедшем, так как именно прошлый, запечатленный навсегда, опыт является наиболее приемлемым для поэтического мироощущения И. Бродского.

Такая характеристика животных при помощи одиночных причастий, стирающих в какой-то степени признак глагола как действия, позволяют автору выдвинуть у изображаемого объекта животного мира признаки постоянства неизменности, константности.

Таким образом, функционирование одиночных причастий в качестве атрибутивной характеристики реалий животного мира, подтверждающее наличие связи поэтического творчества И. Бродского с идеей времени, оказывается одной из характеристик идиостиля поэта.

Библиографический список

1. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание) // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова [Электронный документ] URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt. (дата обращения 20.02.2017).
2. Данков В.Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых значений у глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
3. Замятина И. В. Грамматика русского причастия: дис. ...докт. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Замятина. – М.: изд-во Моск. гос. обл. ун-та им. Н. К. Крупской, 2010. – 429 с.
4. Замятина И. В., Сызранова, Г. Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 118-127.
5. Замятина И.В., Сызранова, Г.Ю. Субстантивированные формы в позиционном пространстве причастия: к проблеме грамматического и семантического статуса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – N 1 (33). – С. 126-138.
6. Зубова Л.В. О стихотворении Бродского «Одиссей - Телемаку» // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 2 (278). – С. 64-74.
7. Келебай Е. Поэт в доме ребенка. (Пролегомены к философии творчества Иосифа Бродского). – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 336 с.
8. Лотман Ю.М., Лотман М.Ю. Между вещью и пустотой (из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Ураания») // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 731-746.
9. Пешковский А.А. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
10. Полухина В.П. Поэтический автопортрет Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: Журнал «Звезда», 1998. – С. 145-153.
11. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины...»: Интертексты Бродского. – М.: НЛО, 2001. – 464 с. URL: <http://coollib.com/b/249351/read> (дата обращения 30.01.2017).
12. Твердохлеб О.Г. Причастия в афоризмах // Язык и культура. – 2016. – № 2

(34). – С. 85-97.

13. Твердохлеб О.Г. Местоимение и согласованные с ним причастные формы в поэзии Иосифа Бродского: синтаксические особенности // NovaInfo.Ru. – 2017. – Т. 3. – № 58. – С. 269-278.

14. Твердохлеб О.Г. Лексико-семантические группы местоимений, охарактеризованных по действию причастными формами, в поэзии Иосифа Бродского // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции: сборник научных трудов. – Симферополь: НОО «Профессиональная наука», 2017. – С. 161-170.

15. Твердохлеб О.Г. Растительные реалии и их атрибутивная характеристика одиночными причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филологический аспект. – 2017. – № 1. – С. 107-120.

16. Твердохлеб О.Г. Объекты растительного мира и их атрибутивная характеристика причастными оборотами в поэзии Иосифа Бродского // NovaInfo.Ru. – 2017. – Т. 6. – № 58. – С. 316-324.

17. Твердохлеб О.Г. Общие названия животных, названия их совокупностей и частей, атрибутивно охарактеризованные причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 января 2017. – Ростов-на-Дону: Научно - издательский центр «Открытое знание», 2017. – С. 16-27.

18. Твердохлеб О.Г. Названия домашних и диких животных и их атрибутивная характеристика причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 января 2017. – Ростов-на-Дону: Научно - издательский центр «Открытое знание», 2017. – С. 28-40.

19. Штырлина Е.Г. Прошрое, настоящее, будущее в поэтическом мире И. Бродского // Ученые записки Казанского университета. – Т. 152. – Кн. 6. Гуманитарные науки. – 2010. – С. 252-257.

СЛАВЯНСКІЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.161.2'282

Дата публікації 20.02.2017

Дехтярьова О.В. Відображення галицько-буковинських діалектних фонетичних рис у компонентному складі фразеологічних одиниць (на матеріалі художніх творів західноукраїнських письменників кінця XIX – початку XX ст.)

Дехтярьова Олена Віталіївна

Кримський федеральний університет імені В.І. Вернадського, Таврійська академія (структурний підрозділ), РФ, м. Сімферополь

Аннотация: У статті розглянуто галицько-буковинські говірки, що знайшли відображення у мові художніх творів Л. Мартовича, В. Стефаника, Марка Черемшини. Визначено фонетичні особливості компонентів-діалектизмів у складі фразеологічних одиниць.

Ключевые слова: галицько-буковинські говірки, фонетична риса, діалектна фразеологічна одиниця, художній текст

Representation of Galicia-Bukovina Dialect Phonetic Features in the Component Composition of Phraseological Units (Based on Artistic Works of Western Ukrainian Writers of the Late XIX – Early XX Centuries)

Dekhtyareva Olena Vitaliivna

Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Taurida Academy, Russia, Simferopol

Abstract: In the article, the Galicia-Bukovina dialects are examined, that are represented in the language of artistic works of L. Martovych, V. Stefanik, Mark Cheremshyna. Phonetic features of dialect components as a part of phraseological units are determined.

Keywords: Galicia-Bukovina dialects, phonetic feature, dialect phraseological unit, artistic works

Розвиток літератури кінця XIX і початку XX ст. характерний тим, що частина письменників з особливою увагою ставилась до слова, вживаного в народі, зокрема до діалектної форми слова. Письменники прагнули відтворити діалектні риси у мові героїв із максимальною точністю. Вивчення діалектного мовлення завжди актуальне, оскільки надає творам національного колориту.

У статті “Літературна мова і діалекти”, що була вміщена у другій книзі “Літературно-наукового вісника” за 1907 рік і мала б стати передмовою до

колекції оповідань молодих авторів, що писали галицькими “людовими говорами” (бойківським, лемківським, гуцульським, покутським), І. Франко згадує В. Стефаника, Л. Мартовича та Марка Черемшину, що писали “на ґрунті діалекту, дуже зближеного з гуцульським, так званого покутського”, [9, с. 210].

Значне місце серед складників мовної тканини твору художньої літератури посідає фразеологія. Кожний із згаданих письменників широко використовує у художніх текстах діалектні фонетичні одиниці (далі ДФО), які ілюструють говіркові особливості на різних мовних рівнях.

Оскільки об’єктом дослідження є ДФО, що функціонують у художніх текстах Л. Мартовича, В. Стефаника, М. Черемшини, то необхідно зазначити, що зафіксовані у компонентному складі фразеологічних одиниць діалектизми належать до галицько-буковинської групи говорів, яка поширена на території історичної Буковини й Галичини. У свою чергу, в цій групі виділяються й досліджувані нами покутсько-буковинські та східнокарпатські (гуцульські) говірки.

Характерною особливістю використання галицько-буковинських діалектних рис у художніх творах згаданих письменників став їх репертуар і спосіб уведення у мовну канву твору. При цьому різні автори неоднаково послуговувалися гуцульським та покутським діалектами.

Марко Черемшина мовлення персонажів новел максимально наближував до гуцульської говірки, відбиваючи в ньому не тільки лексичні діалектизми, а й усі фонетичні, морфологічні, синтаксичні діалектизми, які можна передати звичайними правописними засобами. “До того ж діалектними засобами Черемшина відтворює народнопоетичний світ, збагачує емоційну підоснову своїх новел, домагається певного, завжди оригінального тону для кожного із своїх творів” [3, с. 21]. Черемшина прагнув відтворити всі найважливіші риси гуцульських говірок.

У мові оповідань Леся Мартовича чимало покутських діалектизмів: лексичних, морфологічних, синтаксичних. Діалектизми, народно-розмовні форми він вживав в переважній більшості свідомо, з характеристичною метою. “У листі до В. Гнатюка, посилаючи йому повість “Забобон”, Л. Мартович підкреслює: “Я старався писати літературною мовою. Відступав від неї лиш для характеристики місця, осіб і ситуації” [1, с. 121]. Письменник також дбав і про розвиток та удосконалення української літературної мови за рахунок “народної мови”, багатства якої вважав невичерпними. Тому він і вживав такі слова, форми, які не зустрічались у мові провідних письменників, але які чув по різних місцевостях Західної України.

Як показує літературно-мовна практика В. Стефаника, – він дивився на діалект як на один із основних мовних засобів, потрібний не тільки для створення необхідних образів, але й для відтворення специфічно-мовними засобами типових обставин. В. Стефаник виразно збагатив українську літературну мову елементами покутського говору. Письменник підсвідомо використовує не тільки лексико-семантичні покутські діалектизми, а й діалектні елементи всіх мовних рівнів: фразеологічні, словотвірні, морфологічні, фонетичні.

Б. В. Кобилянський зазначає, що “по-перше, не випадково названі письменники “зберігають місцеву діалектну лексику” у своїх творах, а звичайно нею користуються як своєю щоденною лексикою; по-друге, діалектні елементи тут не тільки в мові персонажів, але й у мові авторів; по-третє, у творах Стефаника і Черемшини не самі лише лексичні, а багато і фонетичних, і морфологічних, і синтаксичних діалектизмів”[4, с. 40].

Мета статті – розглянути відбиття говіркових фонетичних рис у компонентному складі фразеологізмів, зафіксованих у художніх творах.

Джерельною базою послуговували твори західноукраїнських письменників кінця ХІХ – початку ХХ ст., а саме: Л. Мартовича, В. Стефаника, Марка Черемшини.

Серед фонетичних діалектних особливостей, зафіксованих у творах згаданих письменників, можна вказати на такі:

1. Давні етимологічні [o], [e] в новозакритих складах як у наголошеній, так і в ненаголошеній позиції переходять в [i]: діал. *дав біг* – літ. *Бог дав* “Хтось має щось, володіє чим-небудь (про вдачу, хист та т. ін)” [8, с. 36]: *Тобі дав біг таку долю, що учиєшси у школах та й будеш великий розум мати, будеш тим паном* (Черемш., с. 38);

діал. *біг забрав* – літ. *Бог прибрав* “Хто-небудь помер” [8, с. 38]: *Я привела на світ дитину, – говорила Броня ще тихішим голосом, як досі. – Пан біг її забрав. Але пляма лишилася на мені, це не перечу* (Март., с. 404).

2. Звук [a] незалежно від походження після м'яких приголосних і шиплячих внаслідок пересунення артикуляції в напрямку до переднього ряду і середньо-високого піднесення переходить у голосні переднього ряду [e], [и], що відбулося під впливом попереднього м'якого приголосного: діал. *мати в темці* – літ. *мати у тямці* “Знати, пам'ятати що-небудь” [8, с. 476]: *Не бійтеси, ми йго добре шкробнули, дві гармати відобрали-сми, буде нас **мати в темці**, – гордувались вояки* (Черемш., с. 140);

діал. *світ зав'язати* – літ. *світ зав'язати* “Зробити кого-небудь нещасним, позбавити радості і т. ін.” [8, с. 301]: *Мамко, мамко, то-с ні дала за кальвіна, тото-с ми **світ зав'язала*** (Стеф., с. 35);

діал. *дай божє здоров'є* – літ. *дай Боже здоров'я* “Уживається для вираження побажання добра, благополуччя кому-небудь з приводу подяки” [8, 219]: *Я маю вам сказати, що дотепер бродив лісами й дебрами, аж оцес чоловік вивів мене на гладке, – дай вам, **божє здоров'є**, бо не знаю, як вас називати* (Март., с. 91).

3. Зафіксовано вживання голосного [i] замість [y] в корені слова: *Мой, жиде, ти, вчена голова, та тому з нас **шкіру лупиш**; скажи міні, ци є такий паругаф, аби жінка чоловіка била?* (Стеф., с. 21) – пор.: *лупити шкуру* “2. Нещадно бити когось” [8, с. 331];

– [i] замість [e]: *Причепиться, як **ріп'ях кожуха*** (Март., с. 61) – пор.: *як **реп'ях** до кожуха* “Настирливо, настійно” [8, с. 734];

– [и] замість [o]: – *Один одного в **лижці води втопив би*** (Черемш., с. 135) – пор.: *втопити в ложці води* “Завдати великих прикростей кому-небудь чи згубити когось з ненависті, викликаної дрібницями” [8, с. 159];

– [а] замість [е]: – *А проше, газди, а озміт же без царамонії та будьте вібачні, бо ми вже подорожні* (Стеф., с. 66) – пор.: без церемонії “Не дотримуючись етикету, прийнятих правил поведінки, поводження з іншими людьми” [8, с. 940];

– [е] замість [о]: – *То до семого коліна буде їх так душити, а як семе коліно мине та й нема моці вже. То кара, люде, сему кістку аж карати!* (Стеф., с. 150) – пор.: до семого коліна “Дуже сильно, гостро, нестримно” [8, с. 386]; *Аді, хоть мні медом масти, хоть дегтем чорни, а хоть мні бери та на шкамутки порубай, то єк кажу, шо ми ті жель, то жель* (Черемш., с. 47) – ДФО *хоть дегтем чорни* не зафіксовано у відомих нам словниках, тому значення витлумачуємо за семантичним відповідником, зафіксованим у словнику: *хоч медом масти* “Як не догоджай комусь, як не задовольняй чийсь бажання (а результат буде протилежний)” [8, с. 466].

4. Фіксуємо в досліджуваних фразеологізмах ствердіння [с], [ц] у кінці слів: діал. *єк палец* – літ. *як палець* “Без сім’ї, без рідних, без близьких”: [8, с. 604]: *Тепер поплачете, а потім лишите старого голого, єк палец, так, єк мене мої лишили* (Черемш., с. 66);

діал. *на увес світ* – літ. *на весь світ* з сл. розносити, розголошувати, розтрубити “Усім” [8, с. 783]: *Мой, та же це покаяніє на увес світ, аби жінка лупила чоловіка як коня* (Стеф., с. 20);

діал. *поки світа та й сонця* – літ. *поки світа та сонця* “2. Довіку, весь час; вічно” [8, с. 788]: – *Та жий, поки світа та й сонця* (Стеф., с. 34).

Ствердіння може відбуватися й у середині слова: діал. *по всему світу* – літ. *по всьому світу* “Скрізь” [8, с. 786]: *А діти нібито нічого не кажуть, обмінюють, що я кості їх дітий порозкидав по всему світу* (Стеф., с. 218).

5. Зафіксовано випадки збереження колишньої м’якості [р'] як у кінці, так і в середині слів: діал. *в ярем запрягали* – літ. *запрягти / запрягати в ярмо* кого “Поневолити, примусити працювати на себе” [8, с. 316]: *Били та катували наших татів та в ярем запрягали, а нам уже кусня хліба не дають прожертти* (Стеф., с. 70);

діал. *давати рєд* – літ. *давати ряд* “Порядкувати, розпоряджатися де-небудь, у чому-небудь”: *Най буде п’янюга, най жінці ребра місить, най тіски до лавиці в’яже, – то він однако газда, всему рєд дає* (Черемш., с. 245).

6. Спостерігаємо відсутність подовження м’яких приголосних внаслідок історичної асиміляції [j] м’якими [л’], [н’], [д’], [т’], [з’], [с’], [ч’], [ж’], [ц’], [ш’] у звукосполученнях, що виникли після занепаду редукованого ь. У південно-західних говорах відбулося стягнення цих приголосних між голосними в іменниках середнього роду: діал. *нема житя* – літ. *нема життя* “1. Хто-небудь багато переживає у зв’язку з чиймись вчинками, зазнає великих неприємностей від кого-небудь” [8, с. 544]: *То такої не йде, брачіку Юсипку, ні! Єк у хаті пекло, то єке тото житє? – Ой нема житя, душко Лукинку, лиш мука та й мука! – застогнав Юсип* (Черемш., с. 48);

діал. *сумліне точить* – літ. *совість мучить* “Кому-небудь дуже соромно, хто-небудь уже страждає за свою провину, несправедливість” [8, с. 259]: *То так сумліне точить з рода в рід* (Стеф., 155). Діал. *сумліне* – *совість* [5, с. 228].

7. Відсутність протетичного приголосного перед голосним [o]: діал. *озме в руки* – літ. *взяти в руки* “Захоплювати що-небудь, оволодівати чимсь” [8, с. 55]: *Бувало, шо озме в руки, та й горит му у тих руках* (Стеф., с. 18).

8. Спостерігаємо продуктивність ДФО з компонентами, що мають фонетичні риси певного діалекту і від нормативних відрізняються одним приголосним звуком, як-от: [л] замість [й]: – *Та коби могли вібороти! От дай божє здоровлє, Насте, та й не кричи на нас, бо небого, вже-м на розході* (Стеф., с. 214); *Та що я вам кажу, дай божє і вам здоровля, лиш не загрійте голови, як котрих зелених світ: люди йдуть до церкви, село обмаше, а ви лежите, як дубє під любистком* (Стеф., с. 214) – літ. *дай Божє здоров'я* “Уживається для вираження побажання добра, благополуччя кому-небудь з приводу подяки” [8, с. 219];

– [х] замість [хв] (діал. *хороба, хорувати* – літ. *хвороба, хворіти* [2, с. 202]): – *А цить же, Аничко! Та-бо не плач!... А бодай того попа хороба втяла! Не міг отам до своєї грубої попаді причепитися, але він хору жінку перепудив* (Март., с. 151); *То, – каже, – крамар, бодай його хороба напала, наймив мене, щоби-м пригнав йому цю біду на торговицю* (Март., с. 157) – ДФО *бодай хороба втяла (напала)* “Уживається як побажання нещастя” [6, с. 614]; – *Дай госпідку спасувати та не хорувати, – кажу* (Черемш., с. 253); *Дай божє спасувати та не хорувати, – вмішується дід і пригадує їмостям, що час їхати, бо сонце вже високо і по дорозі буде їх личко скоботати* (Черемш., с. 196) – діал. *спасувати* – літ. *жартувати* [6, с. 510]. Подана ДФО “Уживається для вираження побажання добра, благополуччя кому-небудь” [8, с. 219];

– [ф] замість [кв] (діал. *фасоля* – літ. *квасоля* [6, 584]): – *З тобою говорити, то вперед би фасолі найтисся, – відповідав Семен, але зовсім не злобно* (Март., с. 74) – літ. *найтисся гороху* “Витратити багато сил, енергії, щоб переконати когось у чому-небудь, довести щось” [8, с. 525];

– [в] замість [л] у кінці складів: *Багачі плакали, синам у руки сороківці тицькали, в коршмі у горівці купалися, дітей на смерть виряджали* (Черемш., с. 116) – літ. *полоскатися в горілці* “Надмірно пити спиртне” [8, с. 670]; – *Аби я тобі копилюка ерстив? Аби я з тобов за стів сїдав?* (Черемш., с. 192) – літ. *за один стіл сїдати* “Нехтуючи соціальну нерівність ставитися як до рівного” [7, с. 713].

9. Звукосполучення [ер] на місці давнього р̑ поряд із літературним [ри]: *Ану, беріте та голубіте його, ану, нестіть та обіймайте! Лиш варуйте серце, бо воно вам серце покервавить, глибоко покарбує* (Черемш., с. 32) – літ. *кривавити серце* “Завдавати кому-небудь тяжких душевних мук, страждань” [8, с. 396].

10. Продуктивною є асиміляція за способом творення, коли носовий [м] асимілює наступний [j] у носовий [н]: *Добре набили, але хто вбив? – Я не тямлю. – Памнєть коротка якас* (Стеф., с. 185) – літ. *коротка пам'ять* “Хто-небудь має здатність дуже швидко забувати” [8, с. 606]; *Я косю ваші лани та й забуваю не лиш за діти, але за себе не памнїтаю* (Стеф., с. 139) – літ. *не пам'ятати себе* “Діяти несвідомо” [8, с. 907]. Після фонем /м/ у

досліджуваних ДФО виступає двофонемна сполука /**мн**/. Ствердіння губних, яке відбулося свого часу на всій території поширення української мови, спричинило появу перед [а], що виник з давнього носового [є], двофонемних сполук губних з /j/, але в галицько-буковинських говірках на місці двофонемної сполуки губний + /j/, виступає двофонемна сполука /**мн**/.

Частина з досліджених ДФО не має відповідників у літературній мові, однак вони, відбиваючи галицько-буковинські говірки, сприяють як практичному вивченню, так і теоретичному опрацюванню проблем функціонування ДФО в художніх текстах.

Отже, галицько-буковинські діалектні фонетичні риси виконують важливі художні функції, зокрема образотворення, створення національного колориту, пізнання духовної й матеріальної культури людей, розбудови й збагачення тропіки й стилістичних фігур, етнографічного ототожнення героїв творів та етнографічної локалізації подій.

Цілеспрямоване використання ДФО в художньому тексті – це ще й розбудова й збагачення лексики літературної мови.

Библиографический список

1. Григорук О. П. Українська літературна і діалектна мова у творчій практиці Л. Мартовича / О. П. Григорук // Питання взаємодії української літературної мови і територіальних діалектів : тези доповідей і повідомлень – К. : Наук. думка, 1972. – С. 120–122.
 2. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
 3. Жилко Ф. Т. Мова новел М. Черемшини / Ф. Т. Жилко // Українська мова в школі. – 1954. – № 6. – С. 20–31.
 4. Кобилянський Б. В. Діалект і літературна мова / Б. В. Кобилянський. – К. : Радянська школа, 1960. – 277 с.
 5. Словарь української мови / [упор. Б. Грінченко] : в 4 т. – К., 1907 – 1909.
 6. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.
 7. Словник української мови : в 11 т. / [ред. кол. І. К. Білодід та ін.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980.
 8. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – К. : Наук. думка, 1993. – 984 с.
 9. Франко І. Я. Зібр. творів : у 50-ти тт. / І. Я. Франко. – К. : Наука, 1982. – Т. 37. – 487 с.
- Джерела ілюстративного матеріалу
- Март. – Лесь Мартович Твори / Лесь Мартович. – К. : Дніпро, 1976. – 428 с.
- Стеф. – Стефаник В. Повне зібр. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
- Черемш. – Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22/81 (=512.145)

Дата публікації 22.02.2017

Гуменюк О.М. Кримськотатарські давні епічні оповіді (дестани) як предтеча емігрантського пісенного фольклору

Гуменюк Ольга Миколаївна

Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т.
Рильського Національної академії наук України

Анотація: Далекі, часто небезпечні подорожі й пов'язані з ними випробування – характерна риса сюжетно-фабульної основи фольклорного епосу, яка відчутно дається взнаки ще в міфологічних оповідях і виразно явлена в такому давньому епічному жанрі як казка. Особливого поширення мотиви тяжких вимушених мандрів набули в дестанах – розлогіх епічних оповідях, у яких здебільшого поєднуються вірші та проза. Однак не лише віршовані, але й прозові частини дестанів дуже поетичні, ці частини органічно доповнюють одна одну й ефектно взаємодіють, їх проймають промовисті метафори, місткі символічні образи, поетичні паралелі, контрастні протиставлення. Кримськотатарські дестани можна поділити на два основні різновиди. Перша група дестанів пов'язана з художнім осягненням суспільно-політичних процесів. Ці дестани включені в загальнотюркський контекст, однак кримські акценти тут набувають значної виразності. Друга група – це любовні історії. Тут попри провідну епічну оповідність доволі відчутний ліричний струмінь, а героїчні мотиви поєднуються із сентиментальними. У цих фольклорних творах також здебільшого трактуються сюжети, поширені у всьому тюркському світі. Тематичні особливості та поетична вишуканість дестанів дають змогу трактувати їх як предтечу емігрантського пісенного фольклору кримських татар.

Ключевые слова: фольклор кримських татар, епос, лірика, емігрантська пісня

**Ancient epic narratives (destans) by Crimean Tatars as precursor of
emigrant song folklore**

Gumeniuk Olga Mykolayivna

Rylski Institute for Art Studies, Folkloristic and Ethnology (National Academy
of Sciences, Ukraine)

Abstract: Crimean Tatar emigrant song develops on basis of ancient folklore traditions. Distant, often dangerous trips and connected with severe trials are peculiar feature of plot basis of folklore epos, which perceptible in the mythological stories and is characteristically for epic genre as tale. Special enlargement motifs of severe

forcing travellings are become in destans – wide epic stories. The most famous examples of Crimean Tatars' national epic story are destans “Chora-batyr”, “Ashyk Garip”, “Kozyukurpech” etc. Crimean Tatar epic narrative – destan – can be divided into two main types. One group of destans are connected with the artistic comprehension of the historical, social and political processes. Another ones are love stories. In spite of leading the epic tale significant lyrical stream and heroic motifs combined with sentimental features. The peculiar of prose narrative and poetic passages are combined in narrative the structure of destan. The main part of the story of the heroic destan, which is shared with the social and political processes, has a poetic form as the speech of the characters; the prose passages are only connecting transitive parts of the narrative type. In a heroic and romantic destan or just a romantic nature of destan, which are compared with the works of the first type is of more recent origin, the narrative is entirely in prose form, and the poetic parts contain words or songs of heroes. The plot and the poetic refinement of these narratives give us a possibility to interpret them as the precursor of emigrant song folklore by Crimean Tatars.

Keywords: folklore by Crimean Tatars, epic, lyric, emigrant song

Початок небувалою за своєю масовістю й трагічністю тривалого розставання корінних мешканців Криму з рідною землею припадає на кінець XVIII ст. Але й раніше внаслідок різних соціально-побутових та воєнно-політичних катаклізмів траплялися події, що спонукали безталанних вигнанців шукати кращої долі в дальніх далях.

Далекі, часто небезпечні подорожі й пов'язані з ними випробування – характерна риса сюжетно-фабульної основи фольклорного епосу, яка відчутно дається взнаки ще в міфологічних оповідях і виразно явлена в такому давньому епічному жанрі як казка. Особливого поширення мотиви тяжких вимушених мандрів набули в дестанах – розлогіх епічних оповідях, у яких здебільшого поєднуються вірші та проза. Однак не лише віршовані, але й прозові частини дестанів дуже поетичні, ці частини органічно доповнюють одна одну й ефектно взаємодіють, їх проймають промовисті метафори, місткі символічні образи, поетичні паралелізми, контрастні протиставлення.

Розглядаючи тюркський епос, відзначаючи в його наративній структурі поєднання віршів та прози, В. Жирмунський вдається до певної жанрово-стильової класифікації, вказуючи на два типи такого поєднання: 1) основна частина оповіді, як і мови героїв, має віршовану форму, прозові уривки – це лише сполучні перехідні ланки оповідного типу; 2) оповідь цілком ведеться у прозовій формі, а віршовані партії містять слова чи пісні героїв (це, на думку дослідника, «народні романи» героїко-романтичного чи просто романтичного характеру, які мають в порівнянні з творами першого типу більш пізнє походження [5, с. 615–616]. Не важко помітити відповідний поділ і серед кримськотатарських дестанів. Оповіді, більшою мірою пов'язані з художнім осягненням суспільно-політичних подій, історичних процесів, такі як «Едіге», «Чора-батир», належать до першого наративного типу, більш давнього. Любовні історії – зразки другого наративного типу.

Найпопулярнішим зразком кримськотатарської народної героїчної оповіді (першого типу) є дестан «Чора-батир». Твір записаний у декількох варіантах. Окремі з них мають розгорнуту преамбулу, в якій викладаються події, пов'язані з життям Нарика, батька Чори. Непокірливий гордий Нарик вбиває хана й тікає з юною дружиною в ногайські степи, де врешті народжується Чора – гідний спадкоємець героїчних батькових традицій, такий же палкий і завзятий, такий же нетерпимий до будь-яких проявів несправедливості. Він навіть перевершує батька в масштабах своїх звитяжних амбіцій. Основна частина поетичної оповіді стосується тяжких випробувань, що випали на долю Нариків сина Чори-батиря. Поетичний та музичний текст цієї частини детально представлений зокрема у фольклорному збірнику Я. Шерфедінова [7, с. 15–18]. В особі Алі-бея постає кривдник родини Чори-батиря, кривдник, якому герой дає належну відсіч. Але героєве завзяття на тому не завершується. Художньо потрактована топоніміка свідчить, що оповідь створювалася в часи розпаду Золотої Орди й зародження кримської відособленості від неї, що врешті завершилося постановом окремого ханства. Тож на обрії вже не кривдник родини, а кривдник рідної землі, за права якої Чора-батир їде змагатися в далеку Казань.

Піднесений поважний тон оповіді гармонійно узгоджується з речитативністю, яка в музичному тексті окреслюється максимальним розвитком мелодійної лінії в межах кварто-квінтових ходів з використанням обігравання (виспівування) однієї ноти (соль). Але за всієї інтонаційної одноманітності, суголосної згаданій піднесеній поважності, не втрачається яскраво виражена східна орнаментальність, означена зміною змішаних ритмів чи не в кожному такті, характерним розспівом окремих складів із зависанням останнього звуку (фермата). Поєднання урочої простоти й вишуканої орнаментальності виявляється як у музичному, так і в літературному тексті. Розлога епічна монументальність раз у раз оживляється емоційними сплесками, експресивними інвективами, мальовничими штрихами, що допомагає розкрити глибинний драматизм оповіді.

Мотиви далеких небезпечних мандрів доволі відчутні і в дестанах романтичного характеру. Вельми суттєвий такий мотив зокрема в дестані «Нар-комиш», у якому порівняно з іншими подібними оповідями особливо виразні елементи героїки. Цей дестан відзначається також особливою близькістю до жанру казки. «Нар-комиш» – дестан доволі своєрідний, його важко означити як любовну історію, хоч про любов тут також ідеться. Головній героїні випадає на своєму життєвому шляху здолати чимало тяжких, часом, здавалося б, непереборних труднощів. Саме ця постать, а не традиційна любовна пара, як в інших подібних оповідях, тут у центрі уваги і є основою художньої цілісності. Зосередженість уваги на відважності однієї героїні певною мірою зближує цю оповідь з богатирським епосом. Впадає в око прикметне для дестанів поєднання прозового викладу з віршованими пасажами. Причому ці пасажі в даному разі важко назвати вставками, бо вони доволі рясно й при тім органічно вплетені в загальну наративну канву.

У цьому фольклорному творі дається взнаки доволі струнка й вигадлива

композиційна структура, яка, можна сказати, має орнаментальний характер. В основі її певної ритмічної розміреності лежить насамперед магія числа 3. В оповіді чітко виділяється три основні частини – з'ясування родинних стосунків, подорож світ за очі, пригоди у дворі падишаха. В останній частині, найбільш розгорнутій та драматичній, у свою чергу маємо композиційну тріаду – зустріч і одруження з падишахом, підступне лиходійство, нелегке й тривожне, але врешті-решт щасливе його подолання. Неважко переконатися, що потрібні візерунчасті вузлики раз-у-раз оздоблюють та скріплюють оповідну тканину. В родині, про яку йдеться на початку твору, троє дітей – два брати й сестра. З густого комишу збентежену дівчину викликають тричі – спершу старший брат, потім мати, врешті молодший брат. Падишах подався сам до джерела після того, як троє його служників один за одним не повернулися звідти до палацу. В завершальній частині твору три головні дійові особи: красуня – падишах – плюгавиця. Тричі відпускає різник баранчика до берега моря і знову ж таки падишах саме за третім разом вирішує з'ясувати що й до чого. Таку основну тут ритмічну послідовність злегка відтіняє рідше стріване, але все ж помітне звернення до магії числа 2. Коли дівчина обурилася нав'язуванням їй батьками осоружним одруженням, вона опинилася у дорозі удвох з молодшим братом. Мабуть, не випадково тут не тричі, а саме двічі вона просить підлітка не пити з незнаних озер – за другим разом той не витерпів спраги, ковтнув води й перетворився в ягня. Врешті-решт в екстремальних умовах красуня народжує падишахові двійню. Певне поєднання магії чисел 3 і 2 можна углядіти в основному тут способі контрастного групування персонажів, який можна означити таким чином: протагоніст – герой – антагоніст; конкретніше: молодший брат – сестра – старший брат; красуня – падишах – плюгавиця. Апеляція до цифрової магії, яка спостерігається на рівнях композиційної будови, сюжетного плину, системи персонажів, надає стильовій структурі твору особливої стрункости та витонченості, своєрідної орнаментальності.

Художній сенс провідних у творі житейських реалій ефектно увиразнюється зверненням до образності казкового характеру. Насамперед привертає увагу винесений у заголовок пишний комиш, Нар-комиш, який вочевидь символізує суголосність природи гармонійним прагненням людини. Комиш не реагує на «нечестиві» заклинання і підкоряється лише волі дівчини, яку прихистив у скрутну мить. Комиш тісно пов'язаний з водою. Художня значимість цього образу виразно співвідноситься тут з широко розгорнутою та варійованою символікою водної стихії, яка хоч буває й небезпечною, все ж не випадково в багатьох фольклорних системах асоціюється з життєдайністю й любов'ю. Основні події дестану «Нар-комиш» відбуваються біля джерел. До джерела дівчина пішла, дізнавшись про перспективу осоружного одруження, біля джерела відбулася її зустріч з падишахом, котрий закохався спершу у відображення красуні у воді, а потім і в неї саму.

Повчальна й зворушлива історія, яка має переважно житейський характер, поєднання прозового викладу з віршованими діалогами свідчить, що за жанровою основою цей фольклорний твір належить віднести до романтичного дестану. Разом з тим у ньому відчутна близькість до поезики

героїчного дестану, бо в центрі тут насамперед непересічна героїня, а не любовна пара. Суттєво збагачують жанрово-стильову палітру твору, надають його образності особливої принадності й виразності казкові елементи. Образна та сюжетно-композиційна структура цього дестану відзначається неабиякою стрункістю й витонченістю, своєрідною орнаментальністю, в основі якої відчутна апеляція до символічної магії числа 3, а також числа 2 й поєднання цих чисел.

Найпоширеніший тематичний мотив кримськотатарських, як і загалом тюркських дестанів романтичного характеру, – палке й самовіддане кохання представника й представниці різних суспільних станів, яке з огляду на несприятливі обставини й тяжкі випробування здебільшого завершується трагічно. Але цей провідний мотив неодмінно поєднується тут з мотивом тяжких далеких мандрів.

Раз у раз зриваються з обжитих місць та рушають у непевну путь герої дестану «Керем та Асилхан». Архетипний сюжет про нещасливе кохання людей двох різних суспільних сфер становить основу твору. Тут трагічна розв'язка зумовлена не лише батьківським нехтуванням взаємної пристрасті безмежно закоханих молодят. Річ у тім, що тут ця пристрасть невіддільна від містичної гармонії, несумірної зі свавільним людським втручанням, від призначення вищих сил, зухвале небажання рахуватися з якими не може не бути покараним. Можна якось зрозуміти вірменського священика, який несподівано злякався, що вірменсько-християнська ідентичність, яка чи не повсякчас перебуває під певною загрозою, буде знівельована в потужній мусульманській стихії. Але хоча, може, й продиктоване благими намірами фанатичне небажання цього персонажа рахуватися з життєвими реаліями, насамперед із жаданнями й прагненнями власної дочки, а головне з чесною угодою, яку він ніби знічев'я ламає, не може не викликати осуду, тим більше в контексті твору, позначеного тюрксько-мусульманським колоритом. Динамічний розвиток драматичних сюжетних перипетій, мальовнича образність, яка набуває символічних ознак, соціально-психологічна вмотивованість, побутова окресленість поведінки персонажів та лаконічне й доречне використання містичних елементів, які вельми увиразнюють повчальність, – такі характерні риси цього фольклорного твору.

Любовна історія «Таір і Зоре» має традиційні сюжетно-композиційну схему й вузлові ситуації: чудесне народження довгоочікуваних дітей та батьківська угода їх у майбутньому одружити, попри все зростаючу взаємну прихильність молодих прагнення однієї зі сторін цю угоду зламати (тут різниця в соціальному становищі героїв, можна сказати зведена до мінімуму – вона донька падишаха, він син візира), відтак відсилення юнака в далекий край, де він через певний час отримує вість від коханої й, рушаючи у зворотну путь, долає всілякі труднощі та добирається назад якраз на її весілля з іншим. Тут це повернення виявляється запізнілим і героєві, невізаному ніким, окрім коханої, випадає лишень вести за повід її коня до нової оселі. Від переживань герой непритомніє, а згодом і помирає (в його постаті зливаються воєдино власне героїчні й сентиментальні риси), а дівчина, все відкладаючи першу

шлюбну ніч з осоружним чоловіком, так і лишається незайманою, воліє поєднатися з коханим як не в житті, то в смерті, й накладає на себе руки. Як звичайно в подібних історіях, на розташованих поруч могилах закоханих виростають чарівні квіти.

Гострий драматизм, притаманний цій епічній оповіді, виявляється зокрема в доволі частому, але при тім легкому й невимушеному переходу від об'єктивного викладу до містких і лаконічних діалогів, які надають розміреному наративному плину певного пожвавлення. Ще більше пожвавлюють та урізноманітнюють наративний плин, збагачуючи його своєрідними експресивними штрихами, віршовані, точніше пісенні пасажі, що розгортаються в композиційно зумовлені моменти особливого емоційного піднесення. Хоч в образній системі дестану домінує алегоризована постать підступної лиходійки, але її зятятості протиставляється світла сила щирих почуттів закоханих, яка поетично асоціюється з духмяним буянням чарівних квітів. У художній системі цього твору мотив далекої подорожі знову ж таки відіграє суттєву роль.

Особливо виразно соціальні елементи даються взнаки в дестанах «Козукюрпеч» та «Ашик Гаріп», де несприятливі життєві обставини також спонукають героїв до тривалої розлуки з рідною домівкою й близькими людьми. Особливо популярний фольклорний твір «Ашик Гаріп» – це сентиментальна любовна історія, в якій закоханим доводиться перетерпіти немало житейських та душевних складнощів і поневірянь, перш ніж їм вдається врешті-решт (аж через сім років розлуки) щасливо поєднатися. Джерелом драматичного сюжету тут є доволі поширений у подібних історіях мотив станової нерівності. Гаріп – бідний сільський юнак – несподівано просить свою матір піти до падишахського палацу й засватати за нього принцесу. Вочевидь, падишахова донька Шахсенем вже стрічалася з Гаріпом і зачарувалася його небуденною вродою та ще й душевною красою, про яку виразно свідчать пісні, виконувані юнаком під акомпанемент саза. Мабуть, між молодими вже була якась домовленість, інакше б хлопець так настійно не посилав матір до палацу. Тож дівчина підстерігає матір коханого і потайки дає їй не сім, а дев'ять бурдюків золота (два «на власні витрати»). Не можна сказати, що Гаріпова мати надто зраділа цьому несподіваному придбанню. Бідна, але горда жінка повернула золото вкрай здивованій Шахсанем, жодним словом не пояснивши свого вчинку. Відтак у сюжеті виникає доволі тугий драматичний вузол. Через непорозуміння молодим доводиться розлучитися. Шахсанем гірко дорікає коханому за недотримання слова. В найдраматичніші моменти оповідь невимушено набуває форми віршованого діалогу.

Не сподівалася мати, що й на неї чекає розлука з сином. Опечалений Гаріп іде світ за очі. Тож далі оповідь присвячена його блуканням удалині від рідного краю. Так чи інакше, але визначених долею магічних семи років поневірянь та випробовувань уникнути не вдається. Як не благає мати сина не лишати її на старості в самоті, той виявляється неспроможним послухати її та рушає в непевну мандрівку.

Сюжетний плин твору динамізується, а часом і уможлиблюється завдяки

коліоритним деталям та викликаним ними несподіваним перипетіям, таким, наприклад, як згадані вище сумніви матері героя. Горда Шахсанем усе не зважувалася послати свого вчителя до Гаріпа, але саме те, що її всупереч волі засватали за іншого, спонукало дівчину до рішучих дій. Звістка про кохану розпалила в серці юнака вогонь пристрасті, який жеврів у ньому повсякчас, живив його пісні, а тепер спонукав до повернення в рідний край.

Стильова структура цього дестану, як і більшості інших подібних фольклорних творів, доволі складна й вишукана. Тут маємо і сув'язь достовірних побутових реалій, і тонкі психологічні спостереження, і проникливий ліризм, і високу патетику. Така складність зумовлює цілком органічне поєднання в наративному плинні прозового викладу й поетичних пасажів. Віршовані, точніше пісенні частини оповіді тут вмотивовані з багатьох точок зору. Вони з'являються здебільшого в моменти особливого смислового напруження й емоційного піднесення й ефектно ці моменти увиразнюють.

Прощання з близькими людьми, з батьками, з коханою, – глибоко драматичний мотив, що виразно єднає жанри традиційного кримськотатарського фольклору з емігрантськими піснями. Особливо зворушливим постає прощання з матір'ю, як у щойно розглянутому дестані, так і в багатьох інших зразках кримськотатарського фольклору, зокрема й в емігрантських піснях. Експресивний вислів «кетме, кетме» («не йди, не йди»), який не раз вживає мати в час розлуки з Гаріпом, стрічається не в одній емігрантській пісні. Наприклад, у діалогічній пісні «Кетеджекмен джан достым» («Геть піду я, милий друже») [4, с. 58; 1, с. 299] суб'єкт ліричної оповіді отримує приблизно таку ж відповідь, яку отримав Гаріп від матері, і ця відповідь починається експресивним висловом «Кетме, кетме...». Мати, благаючи сина, не лишати її на самоті, вживає й такий вислів як «агълатма мени» («не змушуй мене плакати»), який, можна сказати, перегукується з поетичною лексикою, зокрема і з назвою, однієї з емігрантських пісень – «Агъла нинем» («Плач, моя ненько») [4, с. 65].

Про певний зв'язок давніх фольклорних творів з власне емігрантськими зразками народної творчості свідчить немало спільних поетичних засобів (мальовнича метафоричність, містка символіка, ненав'язливий, але промовистий паралелізм, вигадливий звукопис тощо). Стрічається навіть певна подібність окремих їхніх поетичних формул: «Къырымда болды къыркъ беш хан... – У Криму було сорок п'ять ханів...» (дестан «Едіге»), «Къырым дедиклери элли бир хандыр... – Крим, як то кажуть, це з п'ятдесят ханів...» (емігрантська пісня «Имдат ола Мевлядам...» – «Хай допоможе Господь...»).

Библиографический список

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки – Кырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф.М. Алиев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 600 с.
2. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ дестанларынынъ хусусиетлери / Дж. Бекиров // Дестанлар / Топлагъан ве тертип эткен Джафер Бекиров. – Ташкент :

- Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – Б. 6–25.
3. Бекиров Дж. Татар халкъ дестанлары / Джафер Бекиров // Йылдыз. – 1979. – № 2. – С. 98–114.
4. Велиев А. Къырымтатар муаджир тюркюлери / Муэлиф ве тертип этиджилер Аблязиз Велиев, Сервер Какура. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2007. – 204 с.
5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1974. – 728 с.
6. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар / Ягъя Шерфединов. – Симферополь : Крымгосиздат; М. : Гос. муз. изд., 1931. – 94 с.
7. Шерфединов Я. Янърай къайтарма – Звучит кайтарма / Ягъя Шерфединов. – Ташкент: Изд-во лит. и иск. им. Гафура Гуляма, 1979. – 332 с.
8. Шерфединов Я. Янъра къайтарма – Звучи хайтарма / Тертип эткен – Составитель Я. Шерфединов. – Ташкент : Г. Гъулям адына эдебиет ве санъат нешрияты, 1990. – 230 с.

Электронное научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международный научно-практический журнал

№ 2(22), 2017

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Формат 60x84/16. Тираж 100 экз.

Издательство «Открытое знание»

Адрес редакции: Россия, 603037, г. Нижний Новгород,
ул. Островского, 9.